

НАРОДНАЯ
ФАНТАСТИКА

АСТРОНАВТЫ

Пленники Сумитры

Рина ГРАНТ

Рина Грант

Астронавты. Пленники Сумитры

«ЭКСМО»

2014

Грант Р.

Астронавты. Пленники Сумитры / Р. Грант — «Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-70552-8

Далекое будущее... Таинственная эпидемия охватила планеты, населенные людьми. Правительство не стало объявлять эвакуацию колонистов. Ведь занести инфекцию на Землю означало бы погубить человечество. Рядовым жителям Сумитры нет дела до решения властей, они готовы брать космопорт штурмом, лишь бы убраться подальше с зараженной планеты. Но паника – плохой союзник. И космические корабли, взятые штурмом обезумевшей от страха толпой, мало пригодны для спасения. У бывшего астронавта Ильи, его супруги и приемного сына остался только один шанс покинуть негостеприимный мир...

ISBN 978-5-699-70552-8

© Грант Р., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	37
Глава 7	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Рина Грант

Астронавты. Пленники Сумитры

Глава 1

Космопорт Сумитры – не слишком популярное место, особенно в ночное время, когда на планету прибывают грузовые транспортники. Но сегодня здесь творилось невообразимое.

Солдаты гарнизона не смогли сдержать толпу, в панике прорвавшуюся сквозь Купол, и спустя два часа беженцы штурмом взяли космопорт.

По ярко-белым туннелям перекатывался рокот голосов и топот сотен бегущих ног. Мужчины, сжав зубы, прокладывали дорогу своим семьям, распахивая спины и рюкзаки вчерашних друзей и соседей с такими же налитыми кровью глазами. Женщины, прижимая к груди сумочки с документами, тащили за руку ревуших и оскальзывающихся на блестящих плитах детей. Сайт космопорта завис от объема заявок, и безбилетная толпа взяла посадочный зал силой.

Правящая верхушка, как говорили в диспетчерской, эвакуировалась еще два дня назад, бросив простых жителей Сумитры бороться с приближающейся к планете смертью.

Илья в наспех натянутой форме работника космопорта стоял на выходе с эскалатора, ведущего в посадочный зал, и старался упорядочить напор толпы. Соседний эскалатор не работал, но и по нему, прорвав ограждение, равномерно шагали вверх люди, тяжело дыша под весом набитых, расстегивающихся сумок и чемоданов. Блестели от пота лица негров, азиатов, латиноамериканцев, давно покинувших Землю ради грязной, но хорошо оплачиваемой работы черт-те где в дальнем Космосе, на полуобжитой Сумитре.

Вчерашние знакомые на эскалаторе, завидев Илью, отводили глаза: работники космопорта должны были эвакуировать всех гражданских и только потом думать о спасении собственных семей.

Илья на мгновение оторвал взгляд от потока наспех одетых, раскрасневшихся людей и посмотрел в дальний угол, не видный толпе. Там стояла жена, прижимая к себе осунувшегося, серьезного Тимура. На полу две потертые сумки и чемодан разбухли от вещей так, что не стягивались застежки. Вот и все, что они успели спасти. Да у Тимура через плечо сумочка с его мальчишечьими сокровищами, которые он с воплями отказался оставлять.

Если в толпе узнают, что сотрудник космопорта надеется эвакуировать свою семью, – не пощадят и мальчишку. Задержав взгляд на раскрывшемся под ногами беженцев чемодане – рассыпавшиеся тряпки затягивает в механизм, сейчас эскалатор остановится, – Илья вытянул переговорник и шагнул чуть в сторону, поближе к своим.

– Потерпите, – шевельнул он губами, набирая номер аварийной службы. – Сейчас меня сменят, попробую с Вильсоном поговорить. Вы тут постоитте пока. Не устали?

Жена чуть шевельнула головой: нет. Тимур внимательно посмотрел на приемную мать. Обхватил ее покрепче, загородил: защитить, если что.

Илья улыбнулся помимо воли. Как же им повезло с Тимуром... замечательный парень растет. Никакой собственный ребенок с ним не сравнится.

Растет... если выживет. Если все они выживут.

Аварийная служба пообещала быть на месте, «как только на поле народ разрулим, там внутри у вас цветочки». Илья отключился, не глядя на своих.

Эскалатор встал.

Кто-то внизу – он не видел, кто – крикнул, и толпа полезла вверх, по перилам, по чужим головам, через ограждение. Илья беспомощно оглянулся. Сюда уже бежали, размахивая дубин-

ками, охранники космопорта в отсвечивающих шлемах. Под их окриками люди притихли и покорно, по одному, проходили в зал ожидания. Уже там они ускоряли шаг и полубегом вырывались на взлетное поле, на ходу вытягивая маски из сумок и карманов, и бежали дальше, прижимая маски к лицу, хрипя и задыхаясь в разреженном, бедном кислородом воздухе планеты.

Вильсон, начальник охраны, подошел к Илье, отирая пот с блестящего черного лица. Глаза его потускнели от усталости, налились кровью. Спущенная маска болталась на шее.

– Последняя волна, – кивнул он в сторону редющей толпы беженцев. – Кажется, больше уже не будет. Одиночки если. – Вильсон порылся в карманах в поисках платка, не нашел, вытянул смятый приказ о карантине и обтер им бритую голову. Бросил взгляд в угол, на семью Ильи.

Илья не стал отвечать. О чем тут говорить? Жена, белокурая финка Эйла, в узкой форменной юбке под нелепым теперь кителем сотрудницы космопорта, обхватила голову Тимура, прижала к груди. Натянута улыбулась. Мальчик посверкивал черными глазами на взрослых.

– Заканчиваем посадку на австралийский лайнер, – сказал Вильсон вполголоса.

Сердце Ильи упало. Он посмотрел на отставших беженцев, из последних сил старающихся догнать толпу.

– Это последний? – полувопросительно осведомился он. Вильсон воровато обернулся на эскалатор – не услышали бы – и кивнул.

– Куда остальных девать – не представляю. – Вильсон задумчиво оглядывал пустеющий зал. На грязных плитах пола валялись затоптанные вещи, треснувшие под сапогами переговорники, стояли лужи вонючей жидкости из чьей-то лопнувшей канистры.

Жена подошла к ним, подтаскивая за руку Тимура. Он вцепился в ремень своей сумочки.

– Что же все-таки произошло? – ее голос прерывался, губы дрожали.

Вильсон пожал плечами.

– На соседней базе эпидемия. Говорят, всех под корень выкосило, а кто уцелел, тех подобрал какой-то грузовоз. Идет сюда. Конечно, никто им на Сумитре сесть не даст. Велели объявить карантин, никого не принимать и ждать прибытия комиссии, – он растерянно посмотрел на смятый приказ в собственной руке. – Но разве от людей такое утаишь... Один кто-то крикнул: «Эпидемия!» – и вот вам пожалуйста...

Он замолчал и оглянулся на мальчишку. Тимур не мигая разглядывал пробегающих мимо, задыхающихся от спешки людей. Кто-то сорвал на бегу маску и упал, хватая воздух; к нему бежали с носилками двое из медпункта.

– Но неужели... – голос Эйлы, низкий от волнения, замер. – Они не могут нас тут бросить! Земля нас не оставит!

Вильсон пожал плечами. Тимур поднял голову, посмотрел на приемного отца. У Ильи все внутри сжалось от его открытого взгляда.

– Дядь Илья, а мы все умрем?

В его голосе не было страха – только интерес. Илья замялся.

– Потому что кораблей не хватает? – повернулся мальчик к Вильсону. – На всех не хватает, да?

Вильсон закашлялся и прикрыл лицо рукой. Повисла неловкая пауза. Жена нагнулась к уху Тимура, прошептала что-то – он кивнул и опустил голову. Но Вильсон уже нашелся.

– Еще, может, и опасность-то преувеличена, – сказал он нарочито бодро. – Но разве всем объяснишь?

Тимур шумно вздохнул. Илья протянул руку, потрепал мальчика по жестким черным волосам.

– А частный космодром? – тихо спросил он Вильсона. – На пятидесятом километре?

Начальник охраны усмехнулся.

– К нему же не подойти... охрана, видеокамеры.

Илья оглянулся на своих, понизил голос:

– А хозяина попросить никак?

– А кто его видел, того хозяина... – Вильсон вытянул из кармана переговорник и потыкал в кнопки. Затем уставился в экран, кивая собственным мыслям. – Сидит у себя в бункере, как сыч. Неизвестно – жив ли, мертв. Может, давно слинял на своем корабле вместе с обслугой. – Держа переговорник на ладони, он перевел взгляд на Илью. – Но есть еще один вариант...

Вильсон помедлил. Протянул переговорник. Илья шагнул ближе и всмотрелся в появившийся на экране неразборчивый чертеж. Нажал кнопку, увеличивая разрешение.

План космодрома. Вильсон провел пальцем по экрану, передвигая картинку.

– Видишь? – хрипло спросил он Илью.

В стороне от основных строений на плане чернела схема запасной площадки, на которой держали старенький пассажирский «Икар» для туристов с деньгами. Им редко пользовались – откуда здесь взяться туристам, да и куда им летать? На Киаке, спутнике Сумитры, была когда-то база, да и она заброшена уже лет десять. Хотя эти «Икары» сработаны на совесть. Если припрет – не то что до спутника, а и до Земли дотянет.

Так он и сказал Вильсону.

– «Икар» семьдесят человек возьмет. Только кто поведет?

Вильсон кивнул, словно уже думал об этом:

– Ты и поведешь.

Сердце Ильи забилося. Он уже начал забывать, кем он был до Сумитры. Но тело не забыло – и от мысли о кресле пилота сердце забилося сильнее, кровь прилила к лицу.

– А что руководство? – нарочито спокойно спросил он.

Вильсон пожал плечами:

– Руководство не отвечает, – он огляделся по сторонам и заговорил тише: – По техпаспорту семьдесят, а вообще человек сто потянет. И вести его некому, кроме тебя. Так что...

Он нагнулся, подхватил сумки и кивнул Эйле:

– Пошли быстро.

В ангаре запасного космодрома гудело, как в улье. Сюда уже набилось не семьдесят, а человек триста – все, кого завернули с последних переполненных кораблей. Ограждение вокруг «Икара» было сорвано, и несколько человек ходили взад-вперед возле задраенного пассажирского люка.

Вильсон сделал Илье с Эйлой знак держаться в стороне и принялся проталкиваться через толпу. Его осипший голос еле прорывался сквозь возмущенные возгласы беженцев. Илья не слышал, что он им там кричал. Наверное, говорит про семьдесят человек.

Наконец Вильсон пробился к ограждению и устремился к пассажирскому люку. Ближайшие беженцы подошли к нему, заговорили, но тут же отступили и – видимо, повинувшись приказу Вильсона, – принялись упорядочивать беженцев, выводить вперед женщин и детей. Вильсон встретился глазами с Илей и замахал ему. Илья подхватил сумки, мотнул головой Эйле и пошел сквозь строй напружинившихся людей, готовых по первому знаку сорваться с места и пробиваться к входному люку.

Жена потянулась к Тимуру, но тот вырвал руку и пошел впереди нее, один, вертя головой и спотыкаясь, потому что смотрел не себе под ноги, а на беженцев. Пару раз он замирал на месте, и Эйле приходилось подталкивать его в спину. Орал младенец на руках у растрепанной девчонки в форме охраны комбината: несмотря на требование Вильсона сажать женщин и детей, ее оттеснили далеко назад, как и многие другие семьи, и стоящие впереди мужики, посильнее и покрикливее, бросали на вчерашних знакомых злобные взгляды. Тут только спичку поднести, подумал Илья. Одно необдуманное слово – и толпа начнет крушить все вокруг, даже корабль.

«Икар» вблизи оказался еще меньше, чем Илья его помнил.

– Полезайте, – Вильсон схватил у него сумку и, резким движением крутанув рукоять, разблокировал пассажирский люк. – Я тут разберусь.

Илья кивнул, бросил чемодан на землю и наклонился к Тимуру – поднять к люку. Но мальчишка отступил назад.

– А дядя Вильсон летит? – подозрительно спросил он.

Вильсон замер. Помолчал. Затем развернулся, знаком удерживая толпу на расстоянии.

– Видишь ли, – серьезно сказал он, – в чрезвычайных ситуациях принято сначала спасать женщин и детей. Как ты и тетя Эйла. Понимаешь?

Мальчик недоверчиво смотрел на него и молчал.

– А дядя Илья летит, потому что он один умеет управлять кораблем. Потому что он – астронавт.

– Бывший, – поправил Илья. Вильсон усмехнулся, но ничего не ответил.

Тимур снова оглядел толпу. Она притихла, слушая их разговор, и даже дети перестали реветь. Мальчик нахмурился. Сделал шаг в сторону. В блестящих черных глазах засветилась решимость.

– Я не полечу, – сказал он. – Лучше ребенка лишнего возьмите какого-нибудь, – он кивнул назад, на младенца на руках комбинатовской девчонки, замершей в надежде в группе таких же женщин с детьми.

Илья онемел. Мальчик повернулся к нему.

– Дядя Илья, ты их всех доведи как следует. А мы с дядей Вильсоном останемся, – он повернулся к ошарашенному Вильсону и потянулся взять его за рукав. – Ты за нас не беспокойся.

Вильсон растерянно отступил, переводя взгляд с мальчишки на Илью. Толпа сзади уже напирала, возмущенные голоса требовали пропустить остальных к люку. Илья крепко взял Тимура за руку.

– Я никогда тебе не приказывал, – начал он. Но Тимур вырвал руку и отпрыгнул.

– Я не хочу, чтобы кто-то другой погиб, а я за него жить остался. Отдайте мое место, кому оно нужнее, – он задрал голову, посмотрел Илье в глаза и сказал твердо: – Отец так и поступил бы, дядь Илья.

– Да что они там тянут! – взвинченный голос прорезал гул. Возмущенный рокот усилился, и остаток слов человека потонул в нем.

– Я, я тоже умею управлять! – хрипло крикнул кто-то. – Садитесь, сейчас все полетим!

Илья повернул голову. Кто-то из администрации – небритый, без пиджака, рубаха в пятнах, галстук на сторону – пробивался вперед, тряся в воздухе отцепленной карточкой работника космопорта. Илья даже имени его не знал. Человек пробился вперед, смерил Вильсона ненавидящим взглядом и сунул ему под нос свою карточку. Вильсон прочел имя под фотографией, вытянулся и отдал честь.

– Садимся, чего еще ждать! – подхватила толпа и придвинулась, окружила их с Вильсоном. – Залезайте скорее, поехали!

– Тимочка, мальчик, как ты можешь! – начала Эйла, но толпа уже оттерла их в сторону и полезла в распахнутый люк. Кто-то толкнул Тимура локтем, и Илья еле успел подхватить его. Их оттеснили. Вильсон с посеревшим лицом наблюдал за самовольной посадкой. Рука его лежала на прикладе излучателя.

Внутри кто-то тонко закричал.

– Воды, воды! – кто-то высунулся наружу, но его тут же затащили обратно. Люк поехал, задвигаясь. Оставшиеся снаружи хватались за края, пытались подтянуться, но с чмоком крышка люка встала на место, загорелась красная лампочка.

– Всем отойти! – просипел Вильсон. Его налитые кровью глаза оглядели толпу. «Икар» загудел, и оставшиеся рванулись прочь, за ограждение. Медленно раскрылись ворота ангара.

«Икар» затрясся и тронулся с места. Вслед ему летели крики и плач.

Тимур глубоко вздохнул и выпрямился, расправив плечи. С любопытством всмотрелся в полутемный пустой зал убытия. – Дядь Илья, а можно...

Илья не ответил. Он не мог себя заставить заговорить с Тимуром.

Мальчик обернулся на Вильсона.

– Мистер Вильсон, а можно на поле выйти? Посмотреть на взлет?

Илья нахмурился, посмотрел на Вильсона. Тот помедлил, потер кулаком подбородок. Кивнул.

– Иди, посмотри, дружок... и мы с тобой. А вещи не берите, не надо, – обратился он к Эйле, которая нагнулась за сумкой. – Кому они теперь нужны...

– Маску надень, – заставил себя сказать Илья. Мальчик послушно вытянул из кармана детскую маску повышенной защиты.

Рядом копалась в механизме подоспевшая аварийка. Соседний эскалатор вздрогнул, дернулся и поехал. На нем стояли двое: космопортовская уборщица Мартина с ведром и шваброй и высокий лысый старик в косо застегнутом плаще, испуганно озирающийся по сторонам.

Вильсон протянул мальчику руку. Тот уцепился худой лапкой за рукав его комбинезона, и они пошли вперед, мимо пустых стоек регистрации, мимо опрокинутых стульев брошенного кафе, мимо толстой Мартины, уже возившей шваброй под стойками, мимо грязного бородача, похрапывающего в неудобном кресле ожидания. Впереди, за гигантским стеклом, простиралось залитое светом прожекторов поле космодрома. Очертания последних задержавшихся кораблей вырисовывались вдали, окруженные толпой пассажиров.

– Ближе подходить нельзя, – сказал мальчику Вильсон. Голос его сквозь респиратор звучал неразборчиво.

Тимур кивнул и поправил сползающую резинку маски. Илья крепко держал Эйлу за руку. Лицо жены пожелтело от усталости, глаза поблекли. Они стояли в смотровой, в километре от кораблей, и наблюдали, как медленно задвигаются люки и отодвигаются опоры. «Икар» на частной полосе вдалеке от остальных казался букашкой.

Разреженный и оттого плохо проводящий звук воздух Сумитры наполнился рокотом. Земля под ногами задрожала.

– Сейчас начнет процедуру взлета! – авторитетно сообщил мальчик. За всю свою жизнь по космодромам – сначала с покойным отцом, теперь вот с ними – Тимур набрался разных астронавтских словечек.

Мысли одна за другой мелькали у Ильи в голове. Может, эпидемию можно пережить... пересидеть, спрятаться... Может, она еще и не дойдет до Сумитры... но застряли они надолго... кто знает, когда будет следующий корабль, и придет ли – ведь Земля наверняка объявит карантин...

Земля – родная планета, но пора отвыкать, они теперь не земляне, они резиденты Сумитры, и – права Эйла – Земля может отказаться их принять.

– Дядь Илья, смотри же! – Тимур задергал его за рукав. Илья вернулся к действительности, огляделся и ахнул, потрясенный зрелищем.

Три корабля заходили на взлет. Сопла разгорались, отсвечивая багрово. Вдалеке пульсировали огоньки «Икара». А еще дальше на горизонте вставали башни нагнетателей и неосвещенная чаша Купола, под которым находился их брошенный городок. Тимур бросил руку Вильсона и припал грудью к парапету смотровой, не сводя сияющих глаз с кораблей.

Сзади шевельнулись тени. Илья обернулся. Последние отставшие беженцы, для которых не хватило места, прошли в смотровую и стояли сзади, наблюдая за взлетом. Усталые лица,

посеревшие и изрезанные морщинами: в нездоровом, насыщенном вредными газами воздухе Сумитры поселенцы старели рано. Многие плакали, не скрываясь.

– Вот так-то! Бросила нас Земля! – пробубнил чей-то искаженный маской голос.

Илье нечего было на это ответить.

Рокот усилился, уши заложило от рева, перешедшего в вой и визг. Вспышка – и три корабля один за другим принялись подниматься в небо, каждый по своей траектории, словно три дрожащих языка огня. Их отсветы падали на лица оставшихся, трепетали в их глазах. Тимур прижался к Илье, заглянул ему в лицо. Он что-то говорил, но услышать в грохоте ничего нельзя было. Илья просто кивнул в ответ и показал рукой на уменьшающиеся огни кораблей. Действительно, очень красиво. А погибнут оставшиеся или нет – это мы еще посмотрим...

Мысль придавала ему сил. Он сжал плечи мальчика и шагнул поближе к жене. В ее глазах тоже играли взлетные огни.

Разогнавшись, маленький «Икар» тоже поднялся в воздух и устремился в ночное небо.

Илья смотрел на жену, поэтому не успел ничего заметить. Яркая белая вспышка озарила смотровую и тут же погасла, выхватив из тьмы полужнакомые лица.

Кто-то в толпе вскрикнул.

Эхом разошелся по смотровой приглушенный вопль.

Илья вскинул голову, краем уха слыша перекрывший гул тоненький голос Тимура.

Но он посмотрел слишком поздно. Вспышка уже меркла, черной тучей разметав по небосводу недогоревшие обломки. Когда зрение, ослепленное взрывом, вернулось, в небе остались две огненные точки кораблей, а не три. И горячий пепел осыпался на мертвые леса вокруг Купола.

Настала тишина. Сердце его гулко колотилось. Одна мысль – какое счастье, что мы не успели! Но два других корабля и маленькая точка «Икара» еще в воздухе, они выходят на орбиту, взрывом их не задело...

Вторая гигантская вспышка, и за ней третья, почти сразу.

На мгновение стало светло, как днем, от вспыхнувших осколков, осыпавших все небо и тут же угасших. Звездочка «Икара» держалась в стороне, но вот и ее накрыла вспышка, и кораблик, на который они не сели только из-за упрямства Тимура, разлетелся новогодним фейерверком, оставив черные следы в небе.

Затем уши заложило от грохота, и их посбивало с ног валом гигантской взрывной волны. Налетели гарь, пепел, вонючие горячие обломки. И все стихло.

Помогая своим подняться, Илья заглянул Тимуру в лицо. Маска у него слетела, под носом висела толстая капля крови. Мальчик вытер ее ребром ладони. Эйла, неуклюжая в узкой юбке, взгромоздилась на ноги и, размазывая сажу по бледному некрашеному лицу, принялась стряхивать пепел с черных волос мальчишки. Тот отвернул голову, уклоняясь.

Потом все стояли и смотрели, как на взлетное поле опускаются клочья сажу.

Илья скосил глаза на стоявшего рядом Вильсона. Белки его расширившихся от ужаса глаз отсвечивали в темноте. Губы беззвучно шевелились. Щека над маской блестела от влаги.

Илья потянулся было хлопнуть его по плечу, но передумал. Вильсон медленно повернулся и, пошатываясь, пошел к выходу, не глядя ни на кого.

– Пошли домой, дядь Илья, – наконец сказал Тимур. Он повернулся к приемной матери, отряхивающей пепел и сажу с его футболки. – Тетя Эйла, пошли. Вам на работу завтра рано.

– Какая теперь работа... – проворчал кто-то в толпе.

Словно послушавшись мальчишку, остальные начали расходиться. Ссутулившись и опираясь друг на друга, жители городка под Куполом устало передвигали ноги. Никто не глядел на соседа. Никто не знал, повезло им или нет.

Илья обхватил Тимура за плечи, и они медленно пошли вслед оставшимся поселенцам. В здании космопорта сорвали маски, жадно хватая генерируемый воздух. Подобрали сумки и

потащились обратно, сквозь зал ожидания, где все еще спал в кресле бородатый бродяга да неподалеку от него сидел, опустив лысую голову, встреченный по дороге на космодром старик в криво застегнутом плаще.

Когда они проходили мимо, старик посмотрел на них. Блеснули глаза – яркие и молодые на морщинистом лице. Оглядел их, задержал взгляд на Тимуре, усмехнулся и уронил голову на грудь.

Волоча сумки, они шли пешком по опустевшим улицам городка под Куполом. Обходили брошенные посреди дороги машины и транспортеры, посматривали на черные безжизненные окна модулей. Где-то выла сработавшая сирена. По неосвещенным переулкам вернулись они в свой модуль, заперли дверь и легли спать, не разбирая вещей.

Глава 2

В иллюминатор ломились звезды. Приборная панель помаргивала огоньками. Кресла управления на мостике стояли пустые: «Летучий голландец» шел на автопилоте.

Не спавший трое суток Живых осторожно потер опухшие от мониторов веки холодной стальной ладонью и поерзал в штурманском кресле. Сидеть было неважно: все его тело ныло от недосыпа, дергало в местах соединения электронных протезов с живой тканью. Взгляда от экрана он, однако, не отводил.

За лабораторным столом в медблоке Бой-Баба уронила голову на руки, борясь со сном. Трое суток они с Живых пытались вытянуть последних заболевших. Люди умирали. Их даже не успевали класть на консервацию. Из двух с небольшим десятков, кого успели вывезти с базы, осталась дай бог половина. На кого хватило капсул, те лежали в железных ящиках блока консервации. Остальных положили в больничке на койках и на полу, натащав матрасы из жилых отсеков.

Тихо, назойливо из динамиков доносился сигнал бедствия. Три коротких звука, три длинных, еще три коротких. Затем мелодичный, как в справочном космопорте, голос компьютера:

«Говорит FD-3200. May Day. May Day. May Day. Терпим бедствие. Просим помощи. Наши координаты...»

Бой-Баба потянулась, хрустнув искусственными суставами, и сонно потерла отсвечивающий красным единственный глаз. Вести корабль вдвоем – это они с Живых, конечно, замахнулись. Хотя что им еще было делать? Не оставлять же людей на базе подыхать.

Она поднялась и, шатаясь, побрела в офис медблока, к кофеварке. Футболка и комбинезон липли к электромеханическому туловищу, мешали двигаться, но она продолжала носить одежду по привычке. Подхватив два полных стаканчика нечувствительными металлическими клешнями, подошла к двери и пихнула кнопку стальным локтем. Люк медленно поехал в сторону. За ним лежал темный, в целях экономии, коридор, по обе стороны которого зияли распахнутые двери пустых жилых отсеков. Вся команда «Голландца», кроме нее с Живых, погибла в пути. Но об этом она старалась не вспоминать.

Настил мостика сотрясся под ее шагами. Здесь полумрак аварийного освещения рассеивали мерцающие экраны пульта управления. Живых в кресле даже не шевельнулся – сил не было. Она поставила перед ним стаканчик с кофе и, не удержавшись на ногах от усталости, плюхнулась в командирское кресло.

– Сумитра не отвечает, конечно, – полуспросила она.

Не поворачиваясь, Живых мотнул головой. Оба замолкли и сидели в креслах управления, забыв про кофе, слушая собственный сигнал бедствия.

– Как они там? – глухо спросил Живых.

Она помедлила:

– Кто как. Дышат пока. Кто еще дышать может.

Он кивнул. С самого начала было ясно, что и Сумитра, и Земля объявят карантин и их близко не подпустят. Но бойкотировать их сигнал бедствия – это все-таки слишком...

Бой-Баба провела по стриженным волосам оплетенной проводами стальной рукой. В висках нарастала боль.

– Кто еще остался, тоже надо класть на консервацию, – через силу проговорила она. – Иначе не довезем. А ИПЖ больше нет.

Он кивнул, не сводя глаз с экрана. ИПЖ – аппараты искусственного поддержания жизни. Их «Голландец» – обычная грузовая калоша, не рассчитанная на провоз пассажиров, и капсулы консервации в медблоке рассчитаны только на членов команды. К счастью для поселен-

цев, астронавтам они так и не понадобились: члены корабельного экипажа лежали рядком в холодильном отсеке, обернутые в брезент, и глядели в потолок остекленевшими глазами. А иначе и этих немногих не удалось бы спасти.

Бой-Баба попыталась встать, но ее повело в сторону от усталости, и она шмякнулась обратно в растрескавшееся от долгой службы кресло. Все-таки трое суток без сна, а мозги свои, человечьи, не пересаженные, вот и не справляются.

Живых приподнялся было поддержать, но она остановила его жестом: сиди. И без того он устал. Лицо штурмана посерело, в побагровевших шрамах и кратерах затянувшихся ожогов на уходящей в стальное туловище шее, оплетенной путаницей разноцветных проводов. Глубоко сидящие в человеческих глазницах красноватые видеокамеры. Ну да ничего, она уже привыкла. И сама не красавица.

– Иди спать, – прохрипела она, махнув на него рукой. – Я подежурю. Через три часа придешь сменишь.

Он колебался, вслушиваясь в сигнал.

– Так что с ранеными-то делать? – наконец сказал он. – Нужно добраться до лаборатории, перевезти их, определиться с лечением. И где взять такую лабораторию?

Бой-Баба подперла голову локтями и задумалась. Представители Общества Социального Развития – организации, занимающейся освоением Космоса, – уже везде раструбили об опасности эпидемии и запретили приближаться к зараженным базам. Но болезнь ли это была? Или все-таки результат их хладнокровных массовых экспериментов на подневольных людях?

Бой-Баба усмехнулась. Судя по событиям на базе и на корабле, кто-то из руководства Общества Соцразвития готов на все, чтобы не допустить исцеления больных и появления на Земле живых свидетелей своих опытов.

Бой-Баба молчала, поглаживая ноющий лоб твердыми пальцами. Наконец повернулась и посмотрела Живых в глаза:

– Есть лаборатория на Киаке – спутнике Сумитры. На заброшенной базе. Можно попробовать подключить.

Живых не удивился, как будто и сам уже об этом думал.

– А если Сумитра запретит входить в свое пространство? – спросил он.

Бой-Баба устало пожала плечами.

– Есть другие пути, – она протянула руку, вывела на экран трехмерную карту. В темноте мерцали огоньки звезд, разноцветным облаком легли в воздухе кабины наслоения пылевых туманностей. Бой-Баба повернула трехмерное изображение другим боком и застучала по клавиатуре, вводя задание. Тонкая пунктирная дорожка пролегла посреди кабины, огибая звезды.

– На худой конец можно обогнуть и сесть на обратной стороне, – пробормотала она. – Но придется мимо Бокса-бэ проходить, не к ночи будь помянут, – она подсветила на карте еле заметную оранжевую точку звезды BOKS-45069. – Зато на Сумитре нас оттуда не ожидают. Пока то-се, мы и проскочим. Как ты думаешь?

Живых нахмурился. Посмотрел на проложенный пунктир, на Бой-Бабу, на звезду, вокруг которой обращалась недоброй славой планетка BOKS-45069 b.

– Я бы не рисковал, – наконец сказал он. – Не потому, что не пустят. А просто... – он замолк.

Бой-Баба не сводила с него взгляда.

– Что – просто? Уж говори.

– Да ну... – Живых откинулся в кресле, почесал бледную щеку. – Рассказывают про Бокс этот разное. Как-то не тянет мимо них идти.

Бой-Баба усмехнулась.

– Болтают много чего, но не всему же верить. Ну, пиратствуют по мелочи, так ведь не пойман – не вор, – она пожала плечами.

Живых хмыкнул, и до нее дошло, что он имел в виду.

– А если ты про все эти разговоры, про донорские органы и пересадку личности – это, уж ты извини, очередная космопортовская легенда. Диспетчеры в центре управления со скукидохнут, вот и пугают новеньких операторов всякой ерундой. Ничего на Боксе-бэ особенного нет. Никаких тайных клиник.

И все же, поколебавшись, она застучала по клавиатуре, меняя курс. Уж очень озабоченно смотрел на нее Живых.

– Тогда подойдем под прикрытием Киака, – негромко сказала она. – База брошенная, так нам это и на руку: на темной стороне нас никто не засечет. Там запасы должны были остаться. Электростанция, генератор. Можно перебиться какое-то время.

– И лаборатория, – произнес Живых. Камеры-глаза сверкнули, плечи его распрямились, и даже серость сошла с лица. Он ухватился за подлокотники, подался вперед, всматриваясь в экран. – Если с умом сесть, – проговорил он глухо, – с Сумитры нас и не заметят. И незачем им знать.

От его решимости и Бой-Баба взбодрилась немного. Киак-Киак, самая крупная и ближняя луна Сумитры, была освоена задолго до самой планеты, но на темную сторону и в лучшие времена мало кто совался. И базу бросили, потому что слухи начали ходить нехорошие. Там действительно можно отдышаться вдалеке от преследователей, можно отсидеться и сообразить, что делать дальше.

Она кивнула. Не хотелось думать о том, что может случиться после посадки на Киак. Решать проблемы надо по очереди. Вот если сядут, если удастся наладить энергоснабжение и подключить к нему корабельный блок консервации, тогда на какое-то время о больных можно будет не беспокоиться. Пусть себе спят в железных капсулах, пока они с Живых будут соображать, как им отсюда выбраться и спасти тех, кто до этого доживет.

– Так ты иди, а я тут посижу, – Бой-Баба поднялась, потянулась всем искусственным телом, так что булькнул биораствор в суставах. – Когда проснешься, обсудим дальнейшее передвиже...

Динамик приемника хрипнул. Голос компьютера, читающий призыв о помощи, замолк на полуслове. Бой-Баба замерла. Динамик чихнул и затрещал, перестраиваясь на ожившую волну.

Живых кинулся к приемнику, потыкал в сенсоры настройки. Сквозь треск магнитных бурь неразборчиво прорывался голос, мужской и низкий. Живых выругался, стукнул по приемнику, и голос зазвучал чисто, как будто говорящий находился тут же, на мостике.

– FD-3200, я «Вагабонд», сигнал бедствия принял. Иду к вам. Уточните координаты. Повторяю...

Перебивая друг друга, они подтвердили координаты. Повторили еще раз и еще.

Волна давно обросла помехами, поглотив голос, а астронавты сидели не двигаясь, боясь посмотреть друг на друга. Корабль-спасатель дал им свои координаты: такая же, как и их «Голландец», земная аналоговая лоханка пятидесятилетней давности, снявшийся с Сумитры грузовой. То ли их команде не сообщили о карантине и объявленном «Голландцу» бойкоте. То ли экипаж чужого корабля решил их спасти самовольно, несмотря на категорический приказ Земли не приближаться к «Летучему голландцу».

Не решаясь заговорить о спасении, Живых и Бой-Баба смотрели на карту неба, где их курс через сутки должен был пересечься с траекторией корабля-спасателя.

* * *

Какое счастье, что из-за Тимура они пропустили корабль!

Илья думал эту мысль всю ночь во сне, думал, просыпаясь, и сразу вспомнил, разлепив утром больные, опухшие глаза. Эйлы рядом не было. Дверь в спальню плотно закрыта. Из

кухоньки доносилось бряканье тарелок и чашек. Тимур что-то спросил у приемной матери, Эйла тихо ответила.

В висках колотилась боль. Илья приподнял взмокшую голову – и застыл, вслушиваясь и морщась от шума в ушах.

За окном стояла тишина. Молчали генераторы, не жужжали ветряки, и привычное, вредное для здоровья гудение проходящего над их модулем провода высоковольтной замолкло. Не отдавались эхом за окном шаги соседей, не перекликались голоса. Городок под Куполом замер.

Илья вскочил, путаясь в простыне, босиком подбежал к окну и всмотрелся, щурясь спроне, в осыпанный утренней изморосью Купол. Башни производящих кислород нагнетателей позади него стояли недвижно – их не окутывала, как обычно, дымка движущегося воздуха.

Голова пошла кругом. Илья огляделся в поисках переговорника, бросился к кровати, перетряхнул тумбочки, сбросил на пол подушки. Раздался стук – переговорник вывалился из складок одеяла и соскользнул на пол. Трясущимися руками Илья схватил его и кое-как, ошибаясь и шепча себе под нос, набрал Вильсона. Тот долго не подходил. Илья ждал и слушал, как жена и Тимур переговариваются за дверью.

Наконец переговорник щелкнул, и Вильсон отозвался. Илья не сразу узнал его голос: пустой и усталый.

– Нагнетатели – ты видел?

Вильсон не ответил. Илья подождал и продолжил:

– Насколько хватит кислорода? Есть запасы?

Вильсон помолчал. Потом Илья услышал, как медленно, будто затекли пальцы, тот начал стучать по клавиатуре.

– Недели на две, – наконец отозвался Вильсон. – Но комбинат тоже встал. Значит, атмосферу вырабатывать не будет. – Он помедлил и добавил совсем тихо: – Если что, на поверхности худо-бедно дышать пока можно. Первое время перебежмся.

– А спасатели? – тупо спросил Илья. – Ты говорил, они уже в пути?

Вильсон не ответил.

Илья посмотрел в окно. За тусклой поверхностью Купола мертвые нагнетатели загораживали небо.

Когда он вышел из спальни, вытирая лицо полотенцем, Эйла и Тимур уже сидели за столом в утреннем полумраке. Свет не горел. Мальчик торопливо совал в рот хлопья ложку за ложкой. Эйла сидела прямо, непричесанные светлые волосы падали на лицо, скрывали глаза. Губы поджаты в ниточку.

Илья сел рядом, не говоря ни слова. Есть ему не хотелось. Просто посидеть со своими. Протянул руку, накрыл ею ладонь жены. Та не шевельнулась. Он вздохнул и потянулся за чайником.

– Электричества нет, – сказала Эйла сухо, не глядя на него.

Тимур опустил ложку. Посмотрел на нее, на чайник. Перевел взгляд на приемного отца – в глазах посверкивало любопытство.

– Мы что, теперь все умрем, да?

Эйла вытянула руку из-под ладони Ильи, погладила мальчика по жестким волосам. Илья посмотрел в пустую чашку перед собой.

– Нет, – солгал он. Повернулся к жене и добавил бодро: – Я говорил с Вильсоном. Он говорит, спасатели уже в пути.

Она кивнула. Тимур притих, подобрал ложку и без напоминаний принялся есть. Эйла молчала, но Илья видел, что на уме у нее что-то есть, и ждал, когда она соберется с духом. По опыту знал, что долго ждать не придется.

Но Эйла медлила.

– Как ты? – уже мягче спросила она.

Илья пожал плечами:

– Башка разламывается. А так...

– Прими таблетку, – она поднялась, потянулась к аптечке над холодильником. Он жестом остановил ее.

– Ты же знаешь. На меня таблетки не действуют. Экономь – еще вам понадобятся.

Она пожала плечами и села. Глаза снова жесткие, колючие. Помолчали.

– Мне вчера соседка сказала, – наконец начала Эйла. – Мать Киры...

– Они что, тоже остались? – глухо спросил Илья. Эйла кивнула. Облизнула губы, собираясь с мыслями.

Тимур бросил ложку в тарелку:

– Значит, Кира тоже осталась! Нас уже двое!

Илья протянул руку и коснулся его плеча:

– погоди, – повернулся к жене. – Так что они?

Эйла помедлила.

– Она говорила... те, кто улетел... они – я не вполне поняла, но они взятки давали, что ли. За то, чтобы их забрали. Ты в это веришь?

Илья пожал плечами.

– Астронавты тоже люди. А тут такая возможность заработать. Жаль, что пользы от нее никому не вышло, – добавил он, вспомнив рассыпавшееся на черные осколки небо.

– А что такое взятка? – спросил Тимур.

Ну, вот вам, пожалуйста. Сколько раз он ее просил такие вещи при ребенке не обсуждать.

– Взятка, – тихо сказал Илья, – это когда ты даешь человеку деньги за то, чтобы он тебе помог. Покупаешь его доброту, так сказать.

– Понял, – неуверенно сказал Тимур. Оглядел приемных родителей. – Значит, они хотели, чтобы улетели именно они, а не другие? – он хмыкнул. – Вот дураки.

– Тимур, – нахмурилась Эйла. Посмотрела выжидательно на Илью, но он промолчал.

– А Вильсон ничего не сказал про частный космодром? – нарочито спокойно продолжила она. – На пятидесятом километре? Может быть, хозяин...

Илья нахмурился. Посмотрел на нее.

– Нет, – солгал он. И повторил то, что услышал вчера от Вильсона:

– Хозяин наверняка улетел одним из первых. Благо была такая возможность...

Эйла подняла руку, останавливая его:

– Не улетел. Я проверила базу данных в диспетчерской. Он не запрашивал коридор, – она оперлась локтями на стол, посмотрела ему в лицо: – Хозяин еще на Сумитре. Ты понимаешь?

Илья сидел, не двигаясь, боясь спугнуть надежду.

– И как ты себе это представляешь? – хрипло спросил он. – Придем к нему: пустите нас на корабль, пожалуйста? Он откажет. Такие всегда отказывают. Иначе бы он давно предоставил свой корабль для эвакуации.

Эйла опустила голову, как будто соглашалась: откажет. Тимур положил ложку и, раскрыв рот, слушал их разговор. Илья задумался.

– В любом случае нужно поговорить с Вильсоном... может, он что-то знает. Пойду к нему, – он кивнул. Сразу полегчало: появилась цель.

Снаружи загудело, зажужжал плафон под потолком, и комната медленно слабо осветилась. Илья потянулся к чайнику и нажал кнопку. Чайник зашумел.

– Ну, слава те господи, – сказала Эйла. Поднялась и стала собирать посуду.

Не выдержав повисшей в воздухе паузы, Илья отпихнул стул и встал.

– Так я пошел, – объявил он. – Работы много. Восстанавливать нагнетатели, составить списки оставшихся. На комбинат надо съездить. И, – помолчал он, – прочесать район космодрома. Черные ящики поискать.

Всю ночь он отгонял эту мысль – почему погибли корабли? А сейчас она сама наружу вылезла. Эйла посмотрела хмуро, но ничего не сказала.

Тимур сидел тихо и рассеянно выскребывал пустую уже тарелку.

– А ты чем будешь заниматься? – Эйла осторожно забрала у него ложку. – Школы нет.

Тимур пожал плечами:

– Посмотрю, кто еще остался. Пойдем на стадионе поиграем, – он посмотрел на Илью, и тот кивнул, разрешая.

Эйла замерла:

– Только, ради бога, будьте осторожны. Неизвестно кто по городку теперь бродит. Хотя ты ему скажи! – повернулась она к Илье.

Илья посмотрел на Тимура, потом на жену.

– Взрослый парень, – сказал он ей. – Ты же его знаешь. И не дурак. Он ни во что не впутается, – он посмотрел на маленького насупленного мальчишку, черные глаза горят надеждой на точеном смуглом лице. Живая копия покойного Булата. – Иди. Только – осторожно. И за Купол не вздумайте ходить. А то мало там народу сгинуло.

Тимур загрохотал стулом, вскочил, потянулся за своей сумочкой на полу:

– Да не ходим мы за Купол! Это комбинатовские ходят, а мы, космопортовские, на стадионе собираемся, – торопливо говорил он, но смотрел при этом в сторону. Илья повторил:

– Ты слышал, что тетя Эйла сказала. За Куполом небезопасно. Воздух разрежен, мало кислорода. А стрекуны из леса тут как тут – и косточек потом не найти будет.

Тимур пожал плечами. Эйла повернулась к Илье.

– Не надо им сегодня нигде гулять. Сейчас позвоню Кире и предупрежу их... – она потянулась к телефону.

Тимур подскочил.

– Теть Эйла, не надо! Ничего с нами не случится! Дядь Илья! Скажи ей!

Глаза его наполнились слезами. С надеждой мальчишка смотрел на приемного отца. Но Илья молчал.

– Да ну вас всех! – Тимур топнул ногой. – И сидите тут! Пока вас зараза не возьмет! Труссы вы все! Труссы!

Всхлипывая, Тимур схватил куртку, сумочку и вылетел в коридор. Щелкнул замок, хлопнула входная дверь.

– К ужину чтоб был! – запоздало крикнул Илья вслед. Растерянно посмотрел на жену и развел руками.

Глава 3

Бой-Баба и Живых не отходили от приемника. Но частота молчала. Именно молчала: никаких помех, одна звенящая тишина. Как будто на другом конце нажали кнопку «выкл.» и пошли спать.

Они ждали еще двое суток. Сменяли друг друга у запечатанных капсул консервации, следили воспаленными глазами за показаниями приборов. Больные в стальных капсулах были ни живы ни мертвы, но приборы регистрировали остаточную жизнедеятельность, замеряли почти остановившийся пульс, случайные всплески активности мозга на лентах самописцев.

– Это сны им снятся! – сказал как-то раз Живых. – Про что, интересно?

Бой-Баба пожала плечами. Не до того ей было. В больничке осталось пятеро пациентов, и ясно уже было, что без консервации они долго не протянут. Каждую свободную от дежурства на мостике минуту она проводила в изоляторе, ухаживала, разговаривала, как умела, шутила. А шутила она плохо – как будто лишившись после давнишней аварии человеческого тела, тогда же лишилась вместе с ним и чувства юмора.

Они с Живых сидели на мостике и ждали, чтобы приемник наконец заговорил.

– Наверное, что-то с ним случилось, – устало сказал Живых, пиная носком сапога основание приборной панели. – Или передумал. Решил нас не спасать.

– Или ему рекомендовали нас не спасать, – глухо ответила Бой-Баба.

Живых вопросительно приподнял брови. Она пояснила:

– Никогда не знаешь, кто эти переговоры прослушивает. Люди из Общества Соцразвития в том числе. Им это надо, чтобы свидетели их экспериментов живыми до Земли добрались? Вот, видно, и отговорили энтузиаста.

– Если б только отговорили, – поддакнул Живых. – А то, может, и силу применили.

– Силу – это вряд ли. А вот пообещать могли много чего, – она сердито посмотрела на звездное небо за метровой толщины стеклом. – Это ж каким энтузиастом надо быть, чтоб против их денег устоять.

Живых вздохнул:

– Ну, помечтали, и хватит. – Он поднялся. – Остается план Б. Летим к Киаку, не светимся, остаемся вне поля видимости Сумитры. Там сядем и посмотрим. – Бросил озабоченный взгляд на Бой-Бабу. – Как они, дотянут?

– Да уж придется дотянуть, – сердито сказала она. Поднялась, решительно пересекла мостик. Поблескивая стальными шарнирами суставов и морщась от боли, протянула руку к приемнику.

– Не вырубай, – успел сказать Живых.

– А пошел он, – отозвалась она. – Трое суток ждем. Только зря душу вынимает жестянка эта.

Резким, решительным движением она впечатала стальной палец в сенсор. Экран приемника вспыхнул и начал гаснуть, и в это угасающее свечение вдруг ворвались слова – искаженный передатчиком баритон космолетчика с «Вагабонда».

– Включай! – взывл Живых, но она уже и сама давила на сенсор, ругая приемник за то, что долго загружается.

Через минуту они уже разговаривали. Все в порядке, бодро сказал голос космолетчика, пришлось временно сместиться с курса по непредвиденным обстоятельствам. По каким обстоятельствам, однако, он не уточнил и перешел к инструкциям: координаты, курс, траектория, подготовка к стыковке.

К стыковке! Внутри у Бой-Бабы все пело. Наверняка на этом «Вагабонде» есть установки консервации. Ей хотелось побежать в медблок и сообщить больным радостную весть, а Живых

оставить обговаривать с ним детали. Но космолетчик продолжал расписывать подготовку к скорой встрече, и Бой-Бабе не хотелось уходить. Хотелось слушать и слушать.

– Состыкуемся, вы ко мне перейдете. Больных ваших ко мне положим. Мой медик их осмотрит. Первую помощь окажет, если надо. У нас медблок по последнему слову техники, – помедлив, добавил голос.

Голова у нее закружилась от радости. Все-таки есть на свете справедливость. Ну не могли они погибнуть, они ведь спасали людей, не ради своих шкур старались. А голос незнакомого космолетчика в динамике поддакивал ее мыслям:

– Вам сейчас главное – поскорей до большой земли добраться. А раз уж мы время потеряли – а у меня, знаете, график, – то мы вот как сделаем, – было слышно, как тот перед микрофоном облизал губы. – Пойдем коротким путем. Мимо Бокса-бэ, как вам это? Оно и быстрее, и безопасней. Там все-таки обжитой квадрат, просчитанный, пойдем по картам, а не тыком.

Бой-Баба прислушалась сквозь радостный стук собственного сердца. На другом конце линии дышали тяжело, всхрипами. Что-то ей в этом дыхании не нравилось... но она одернула себя. Человек ради них готов отклониться от курса, а это только астронавт способен оценить. Значит, действительно хочет помочь. Или... на что еще он надеется?

– Только нам вас отблагодарить нечем, – быстро сказала она, проверяя промелькнувшее подозрение. – У нас все фонды выработаны. Даже заправиться не на что.

Космолетчик на другом конце линии хохотнул обиженно.

– Ну вы, братцы... не все ж деньгами мерить...

Живых вздохнул облегченно, показал ей большой палец. Она слабо улыбнулась в ответ.

– ...сядем, заправимся. Переночуем. Я вам место пообедать покажу хорошее. А то могу и здешнюю ночную жизнь показать... тут ребята хорошо тусят... не по-детски...

Что-то дрогнуло в его голосе. Бой-Баба насторожила уши. Подошла к приемнику. Тяжелой рукой отпихнула от микрофона Живых.

– А когда мы вашим путем до Земли доберемся? – брякнула она спроста. – А то у нас тут больные, знаете... – Живых выпучил на нее глаза, но она замахала: не встречай.

– Дык еще быстрее получится! – загорячился в динамике космолетчик. – Чего мы будем мимо Сумитры тащиться, да там еще и эвакуация...

– Какая эвакуация? – в один голос спросили Живых с Бой-Бабой.

Голос растерялся. Помолчал. Наконец заговорил снова, так же горячо, но без прежнего убеждения.

– Ну, не хотите – как хотите. Кроме меня вас тут никто не подберет. Все корабли уже этот участок движения покинули. Надумаете – свяжетесь.

Но не отключился, как можно было после таких слов ожидать, а остался на линии. Они слышали в динамиках его одышливое сопение. Бой-Баба с Живых смотрели друг на друга, и до нее постепенно начало доходить. Она показала рукой на приемник, на звезды за окном. Живых еще не понимал. Тут дядька не выдержал, и голос прорезался опять:

– Ну, чего надумали? У меня груз ждет!

Бой-Баба нагнулась к микрофону:

– Хорошо. Мимо Бокса так мимо Бокса. Записывайте наши координаты...

И, водя нержавеющей пальцем по экрану компьютера, стала зачитывать буквы и цифры. Живых округлил глаза, кинулся к ней.

– Ты что ему даешь? – шепотом закричал он, но она знаком велела ему заткнуться. Прочитала в микрофон серию координат и отключилась.

– Куда ты его отправила? – в голос закричал Живых, оглядываясь на неработающий микрофон. – Это ж черт-те где в стороне! Он нас теперь сто лет искать будет!

Она усмехнулась, подтянула кресло и села. Руки и ноги у нее тряслись от возбуждения. От разочарования.

– Быстро ты забыл, что у нас на Боксе-бэ, – тихо сказала она.

Живых задумался, и улыбка медленно сползла у него с лица. Она кивнула:

– Он не нас спасать собрался. Ему корабль был нужен – и мы с тобой тоже. И больные наши.

Повисла пауза.

– Ты в курсе, сколько сейчас страховка за органы дает? За протезы б/у? Одна вот такая нога, – она подняла стальную конечность в воздух и потрясла для убедительности, – лимон новых баксов. – Она опустила ногу, сжала подлокотники кресла, силясь остановить дрожь внутри. – А я, дура, думаю: че-т он такой добрый...

Живых сидел обалдело.

– А куда же он больных собирался... – растерянно проговорил он.

Она усмехнулась.

– А что больные! Хоть еле ползают, а тоже деньги. Органы выпотрошил, а останки в утилизатор. И никаких концов. И наших с тобой тоже...

Живых посмотрел на приемник.

– Это же надо до такого дойти было, – сказал он. – Сообразил ведь, спекулянт хренов. То-то ему денег от нас не надо было.

Бой-Баба почесала стилусом макушку.

– Я вот тут думаю, – медленно сказала она, – чего ему вообще в этом квадрате потребовалось. Грузовоз, говоришь? Я не удивлюсь, если он отловом зазевавшихся туристов промышляет. В космосе – а может, и на самой Сумитре. Прогони-ка этот квадрат через комп: не пропадали ли тут недавно суда? Должна быть статистика.

Живых помолчал. Посмотрел на нее, поскреб стальную шею. Что-то изменилось в его уставшем лице – на него легла тень. Но промолчал. Потянулся к панели управления и начал вносить изменения в траекторию. Бой-Баба прищурилась на экран.

– Вот же он, – проговорила она, еще не веря своим глазам. Огляделась. Протянула руку, включила приемник. Он по-прежнему хрипел алчной одышкой.

– Ошиблись вы в координатах-то, ребята, – выговорил голос и засмеялся. – Как же вы так! А еще астронавты...

Точка на экране не двигалась, но астронавты знали, что она приближается. Настигает их. Живых сбросил оцепенение и впрыгнул в штурманское кресло, защелкал по клавишам компьютера, меняя курс, пытаясь уйти от погони.

– Не успеем, – сказала Бой-Баба. Она понимала, что алчный космолетчик тоже это видит. Принимать бой? А как? С чем? Оружия на затраханном «Голландце» сроду не полагалось. И что-то ей подсказывало, что на якобы отклонившемся от курса пиратском грузовозе найдется и оружие, и кое-что похуже. Не зря он говорил про медблок по последнему слову техники...

Она глянула на экран и увидела, что точка чуть сместилась, стремительно настигая их.

– Халявы ему захотелось... – приговаривал Живых, разворачивая корабль. – Я ему покажу халяву...

Бой-Баба не сводила с экрана единственного глаза.

– Погоди-ка, – ее рука легла на клавиатуру, останавливая Живых. Он возмущенно вскинул на нее глаза – и замер, уставившись на экран.

– Что за черт... – начал он.

На экране вторая яркая точка проявилась в пустоте и теперь шла наперерез пиратскому кораблю. Оба астронавта смотрели на нее не отрываясь. Бой-Баба опомнилась первая и рванулась к командирскому креслу. Еще не добежав, перегнулась через подлокотники, вбивая в клавиатуру изменение траектории.

– Разворачивай, – скомандовала она Живых. Он кивнул, замешкался. Она зыркнула на него яростным глазом: – Разворачивай!

Они успели уклониться. Вторая точка приблизилась к пиратскому кораблю, и обе преобразились в маленькое ярко-белое солнце. Мгновение – и оно раздулось пузырем мельчайшей пыли, сквозь который просвечивали звезды.

«Голландец» достало-таки взрывом, шатнуло, изрыло его корпус искрами, в которые обратился и сам пиратский корабль, и алчный его командир. Бой-Баба впрыгнула в капитанское кресло, и вдвоем они принялись уводить корабль из-под настигающего их дождя осколков.

Потом сидели, тяжело дыша, не глядя друг на друга.

– Интересно, кто его подорвал, – наконец произнес Живых. – Конкуренты?

– Конкуренты бы за нами пошли. Не оставили бы. Значит, – она не сводила взгляда с блестящего облака на месте уничтоженного корабля, – его подорвали те, кто не хотел, чтобы он нам помогал, – ответила она. – Кто не знал, что у него на уме. Кто-то прослушал наши разговоры, решил, что тот хочет нас спасти. Ну, и воспрепятствовал...

Живых не ответил. Он смотрел на пустой экран.

– Какое счастье, что я больным ничего не сказала, – выговорила Бой-Баба.

Живых кивнул и подтянул рукава футболки на стальных предплечьях.

– План Б, – объявил он. – Идем на Киак.

По-тихому провести «Летучий голландец» мимо Сумитры не получилось. Но, похоже, местным поселенцам было не до них. Астронавты подключились к одному из спутников и сейчас наблюдали в прямом эфире, как на экране разворачивалось массовое бегство малюсеньких человечков к игрушечным кораблям. Переключались с одной камеры слежения на другую, и везде – люди бегут, вытаскивают из домов свой скарб, хватают детей, все двери нараспашку, на тротуарах валяются потерянные и вывалившиеся в спешке вещи. А чуть подальше – взламывают склады, бьют витрины магазинчиков, приступом берут аптеки и распихиывают по карманам пригоршни неважно каких лекарств.

– Уходить надо, – недоверчиво сказал Живых. – Не нравится мне их активность. Сейчас засекут нас и саданут разок, так что концов потом никто не найдет.

Бой-Баба в глубине души согласилась с ним. Предчувствие томило нехорошее. На экране, передающем картинку со спутника, темнело небо над космодромом. Колыхалась толпа людей, окруживших корабли. В стороне на запасной полосе тоже копошились беженцы. Бой-Баба постучала пальцем по сенсору, увеличивая картинку.

– Совсем обалдели, – проговорила она. – Это же «Икар»! Прогулочная лоханка! Куда они на нем собрались?

Но «Икар» уже выруливал на взлет, вдалеке от гигантских межзвездных кораблей.

Живых позади нее, шурясь, рассматривал звездолеты.

– И ни одного Троянца у них нет. Жалко. – Он посмотрел на Бой-Бабу. – Он бы один весь городок забрал. Обидно, что мы наш тогда не уберегли... сейчас бы шли на нем, а не на этой развалине...

Бой-Баба, не отвечая, пожала плечами. Три корабля уже готовились к старту. Толпа оставшихся подалась назад, как гигантский рой расплзающихся больных пчел. Черная лента зазмеилась назад, люди толкались и оступались в спешке. Задраивались входные люки. Затем сопла забাগровели. Толком ничего не было слышно – только забивший динамики гул.

– Снимаются, – про себя сказала Бой-Баба и поспешно кинула взгляд на другой экран, проверила собственное положение. Нет, их не заметят. Не должны.

Она откинулась в кресле, потеряла коротко стриженный затылок, покрутила затекшей шеей. Пальцы зацепили проводки. Осторожно, чтобы, не дай бог, ничего не выдернуть, она высвободила руку, провела по уходящим под волосы графитовым креплениям. В отсвечивающем экране перед ней отражались мостик и ссутулившийся над расчетным модулем Живых – двуногая махина с широченными, как у игрока в американский футбол, поблескивающими

металлом плечами. И ее собственная физиономия – стриженные волосья торчком, красный искусственный глаз над восстановленной пластическими хирургами переносицей и врастающая в искусственное туловище почерневшая от химикатов шея.

Ничего, для самой себя сойдет. Кому тут на нее смотреть?

– Ох, – проговорил Живых у нее за спиной.

Вспышка ослепила – и тут же погасла в бедной кислородом атмосфере Сумитры. Бой-Баба прикрыла глаз рукой, прищурилась, но все уже было кончено. Нет, не все. Вторая вспышка. Третья. Черным дождем обломки трех кораблей засыпали мертвый лес вокруг космодрома.

Последним вспыхнул и угас «Икар».

Они долго сидели молча. Бой-Баба держала руку на консоли. Живых поджал губы, не отводя глаз от экрана. Наконец он повернулся к клавиатуре и застучал по сенсорам, вводя новую траекторию. «Голландец» начал медленный разворот, готовясь к посадке на Киак.

* * *

На заброшенной базе, на темной стороне Киака, долго и бесполезно звенел сигнал переговорника. В центре управления стояла покрытая пылью тьма. Давно отключены были все системы, электростанция еле теплилась в аварийном режиме, и молчали нагнетатели – некому было на базе потреблять кислород.

Со скрежетом отъехал в сторону проржавевший люк. Размеренные многотонные шаги глухим эхом отдались в центре управления. Щелкнул выключатель, замерцали желтые лампы, и под купол зала взметнулась огромная угловатая тень. Сотрясая стены тяжким шагом, железная туша устремила к узлу связи.

Но переговорник, трезвонивший чуть не десять минут, уже замолчал. Существо помедлило, затем развернулось и тяжело зашагало прочь.

Тень скользила за ним по ребристым панелям стен.

Щелкнул выключатель. Лампы потухли.

Дрогнул и поехал, задвигаясь, проржавевший люк.

На Сумитре, во влажной прохладе ночи, лысый старик с блестящими глазами положил замолчавший переговорник на перила террасы. С усилием приподнял сморщенное лицо и, прищурившись, смотрел сквозь пластик купола на сияющий вполнеба Киак, затмевающий близкие звезды. Постояв, старик повернулся, отпустил движением руки молчаливого робота и, ссутулившись, направился внутрь, бродить до утра по огромному дому и думать бессонные мысли.

Глава 4

– К ужину чтоб был! – раздался из комнаты голос приемного отца.

Тимур кивнул сам себе, выскользнул из модуля и крепко прикрыл за собой входную дверь. Подергал за ручку: да, захлопнулась.

Только после этого он закатил глаза и театрально вздохнул. Родители! Их трудно обмануть, но иногда приходится, хоть обманывать и противно. Для их же пользы.

Придерживая на плече сумочку, Тимур спустился по бетонным ступенькам в серый цементный дворик модуля. Улица была пуста. Ряды одинаковых площадок, обнесенных проволочными ограждениями, с бетонными коробками модулей внутри. Все окна отсвечивали темнотой, за решетками валялись забытые в панике вещи, калитки распахнуты, двери выбиты. Мародеры прошлой ночью времени не теряли.

Вдалеке, на низком горизонте, в сиреновой дымке вставало сияющее холодное солнце Сумитры. Тимур вдохнул чистый, обогащенный кислородом воздух под Куполом. Надо запомнить, как им дышится. Очень скоро дышать станет нечем... ядовитая зараза пропитает нищую атмосферу, и тогда им придется туго.

Родители, похоже, поверили, что он не понимает приближающейся опасности. Тимур усмехнулся, обводя взглядом улицу. Нет смысла их огорчать. Ну что бы было, если бы он тоже, как тетя Эйла, стал бы приставать к дяде Илье: ах, что с нами будет, ах, куда мы теперь? Тимур пожал плечами и потянул на себя калитку.

Конечно, страшно. Умирать в его возрасте... хотя умирают и помоложе его. Но умирать Тимур был не намерен, а если повезет, то и родителей постарается как-нибудь вытянуть из этой передрыги. Да, передрыги. Слово это он вычитал недавно в одной старой книге, и оно ему нравилось. Оно подходило. Для кого-то, может, это и катастрофа, а для него, Тимура Нагаева, – так, передрыга.

Тимур сунул руки в карманы и вразвалочку, не спеша, пошел по улице. Нужно было обдумать разговор родителей. Значит, хозяин частного космодрома еще не улетел. Тимур про него слышал от дяди Вильсона, когда хозяин приходил однажды по делам в офис космодрома. Старик, лысый и, как дядя Вильсон про него потом рассказывал, страшно богатый. Конечно, богатый, если у него есть деньги на собственный звездолет. Так, может...

Тимур остановился, соображая. Может, он не улетел, потому что не умеет управлять кораблем? А дядя Илья умеет. Если старик богатый, то и корабль, наверное, большой. Может, даже Троянец. Тогда бы он всех забрал, кто остался. И не пришлось бы им умирать, задыхаясь от недостатка кислорода на брошенной планете.

Но тут же Тимур остановил себя. Частный космодром далеко, на пятидесятом километре. Пешком туда не дойти – только если кто-нибудь подвезет. Раньше можно было потихоньку залезть в комбинатовский транспортер – хотя шоферы, конечно, их гоняли. Ездить зайцем в проседающих под тяжестью руды грузовиках ему было не привыкать: Тимур с другими ребятами вечно болтались за Куполом, забирались даже в старый поселок, а от него до пятидесятого километра рукой подать. Тетя Эйла упала бы в обморок, если б узнала. Но знать ей об этом незачем.

А теперь комбинат встал, и грузовиков не будет. Разве что старик сам придет под Купол. А зачем ему это? Он небось сидит у себя в бункере – надеется и эпидемию переждать, и всех тут пережить. И вся планета ему достанется. Потому и не улетает.

Тимур остановился посреди пустого тротуара, окинул взглядом брошенные впопыхах на улице мобильчики. Дядя Илья ему показал, как заводить мотор, где какая передача. Даже поругать дал немного на пустой стоянке. Но ехать за Купол, на пятидесятый километр, он точно

не справится: там дорога трудная, даже шоферы жалуются. Нет, нужно здраво оценивать свои силы.

Тимур ускорил шаг и направился туда, где над плоскими крышами одноэтажных модулей вставал в рассветном небе затянутый дымкой Купол. Пора было выяснить, что собираются делать остальные.

Уже подходя к широким пологим лестницам, ведущим к стадиону, Тимур понял, что зря волновался. Еще три фигурки виднелись на ступенях. Кира и двое здоровых парней из седьмого. Все трое смотрели в его сторону. Кира поднесла руку козырьком к глазам, улыбнулась и замахала ему.

Тимур взбежал по ступеням.

– Вот еще один остался, – сказал старший из парней, невысокий и крепкий, с кучерявыми рыжими волосами. Он подвинулся, давая Тимуру место. Все четверо сели на парапет и смотрели на пустой городок.

– Школы, значит, нету, – бодро начал разговор Тимур. – Видели еще кого-нибудь?

Второй парень – если Тимуру не изменяла память, его звали Орландо – сплюнул вместо ответа. На нем были трейсерские штаны, на запястьях – фиксирующие суставы напульсники. Темные косички-дреды перехвачены на затылке пестрой тряпкой. Интересный парень.

Тимур скрестил руки на груди и со значением усмехнулся.

– Что делать будем? – произнес он.

– А что делать, – отозвался рыжий. – Завернуться в простыню и ползти на кладбище. У тебя есть варианты?

Кира фыркнула. Жесткие серебристо-белые волосы стояли у нее ежиком на обстриженной голове. Тетя Эйла как-то сказала, что они называются «пепельные». Тимур знал, что пепел темно-серый – сколько раз сам видел, – но не стал указывать на ее ошибку.

– Давайте думать, – скомандовал он. – Кто из вас знает, когда выработается кислород? И почему все так уверены, что после этого мы умрем?

Вместо ответа Кира пнула камешек расшнурованной кроссовкой.

– В космопорту должны знать. Твой батя же вроде там работает? Его и спроси, – Орландо подтянулся на руках на парапете, покачался и сел на место.

– Они не знают, зачем нам это надо, – возразил Тимур. – Разволнуются. Нет, узнать мы должны сами.

– А как? – хрипло проговорила Кира.

– Мы можем пойти и спросить, – предложил он. – Но вряд ли нам что-то скажут. Мы же дети...

Рыжий харкнул и сплюнул на бетон.

– Ну, узнаем мы. И что нам это даст?

Тимур пожал плечами.

– Я еще не знаю. Но я уверен: стоит нам это выяснить, как решение придет к нам само.

Рыжий недоверчиво проворчал. Орландо слушал Тимура внимательно, хотя на месте ему не сиделось. Вот и теперь он свесился вниз, примериваясь, как бы половчее спрыгнуть на площадку.

Тимур огляделся. Кроме них, у стадиона больше никого не было. Четверо. Что ж, это уже неплохо.

– Есть идея, – он дал им знак приблизиться и рассказал свой план.

– На частный космодром? – недоверчиво сказал рыжий. – А с чего ты решил, что у старика есть корабль? Может, его давно фермеры на запчасти к тракторам растаскали?

– Ну, узнать-то можно, – неторопливо произнес Орландо. – Не убьет он нас, – он повернулся к Кире. – Ты как думаешь?

Она заговорила медленно, обдумывая каждое слово:

– Можно сказать, что нас городок послал. Что мы – делегация.

– А если он денег потребует? – перебил рыжий.

Все замолкли. С деньгами в городке было сложно. Богатые на Сумитру не вербовались. Повисла нерешительная пауза.

– Ну что, – произнес Тимур, стараясь скрыть дрожь в голосе, – кто со мной?

Рыжий пожал плечами и поднялся. Кира повернулась к Орландо, но тот уже по-кошачьи перескочил через парапет. Остальные трое не спеша спустились по ступенькам.

Детям знать код шлюза не полагалось, но Кира уже с год как вскрыла компьютер диспетчера – родной матери. С тех пор они и привыкли выбираться за Купол, к старому поселку на пятидесятом километре. Маски держали при себе на всякий случай, но маски – это излишняя предосторожность, все местные умели без них обходиться, а к кружащей голову пустоте от вдыхания внешнего воздуха Тимур давно привык.

В старом поселке всегда было неладно. Нельзя было там людей селить, говорил дядя Илья. Но эти умники в администрации комбината решили как? Раз там уже было когда-то поселение, значит, место хорошее, благоприятное. А что все древние жители этого поселения сотни тысяч лет назад погибли во время столкновения Киака с атмосферой Сумитры, об этом никто не вспоминал.

После аварии на комбинате старый поселок забросили, жителей перевели в городок. Теперь туда мало кто выбирался. Только Орландо со своими трейсерами днями лазал по разрушенным стенам и крышам, искал препятствий посложнее. В городке он облазал уже все, даже однажды забрался на Купол. Тимур долго не мог забыть маленькую фигурку, перескакивавшую в небе с одной опоры на другую. Влетело ему тогда здорово, но Орландо продолжал прыгать по заборам и стенам, только теперь втайне от взрослых – и весь народ в школе знал, да помалкивал.

Тимур ходить в старый поселок не боялся. Но что-то там было, это точно. Говорили, что древние сумитриане когда-то построили развитую цивилизацию, летали в космос, освоили некоторые планеты. А вот от столкновения с астероидом не убереглись. Кто успел, те укрылись от катастрофы в глубоких катакомбах, как раз под поселком. Археологи пробовали их раскопать, но ничего интересного не нашли. Наверху еще остались круглые фундаменты из местного камня, на которых кое-где громоздились полуобвалившиеся стены из высоких блоков.

Они вышли к Куполу. Площадка возле шлюза, обычно людная, серела пустым асфальтом. Стеклянная будка охранника просвечивала насквозь: внутри никого не было. Вмонтированный в стальную раму Купола огромный люк шлюза уходил в высоту метра на четыре, так что любой грузовик или транспортер мог проехать. Тимур в надежде огляделся. Нет, ни одного брошенного в спешке грузовика поблизости не стояло.

Он вздохнул и пошел к остальным. Кира уже возилась с вылинявшей панелью управления возле малого пешеходного люка, ребристого и тяжелого. От входа под Купол расходились три дороги: одна на космодром, другая на комбинат и третья, заброшенная, на пятидесятый километр, к старому поселку и частному космодрому. Дорога шла через мертвый лес, посреди которого чернела выгоревшая пустошь на прежнем, до аварии, месте комбината.

Загорелась лампочка. Загудел мотор, мелкой дрожью пробрало опоры, и люк поехал вверх. Кира отступила.

Из камеры шлюза дохнуло теплым воздухом. Люк поднимался со скрежетом, открывая темную внутренность камеры. Ребристые стальные стены посверкивали солнечными зайчиками на внезапном свете.

Обычно у выхода из Купола стоял охранник в грязно-сером защитном костюме и у всех проверял, надеты ли маски. Он и сейчас стоял, отвернувшись, неподалеку и, оттянув маску,

кричал в переговорник. Что-то про комбинат, про генератор. Тимуру слышалось имя дяди Ильи. Он насторожил уши, но охранник оглянулся на них и понизил голос. Но не погнался, что было странно, а продолжал говорить. Только издали пальцем показал на маски и сделал знак – надеть.

Все четверо подошли к огромному бетонному разъезду, обычно забитому медленно движущимися грузовиками и транспортерами, а сегодня пустынному. Только невдалеке стоял потрепанный грузовичок, заляпанный по самые окна высохшей грязью. Рыжий парень оглянулся на занятого разговором охранника, подошел к грузовичку, похлопал палец и вывел на переднем крыле: «Эпидемия».

– Не смешно, – сказала Кира.

Тот пожал плечами и сделал шаг назад, рассматривая надпись. Уходящие в низкие облака мертвые трубы комбината еле виднелись за острыми скалами. Между ними змеилась трасса. Раньше по ней круглые сутки ездили набитые народом автобусы, а обратно возвращали грязных, закопченных от рудной пыли людей домой. По несколько раз в день на трассе завывала санитарная сирена, и кого-нибудь привозили в клинику на другом конце городка. Тетя Эйла тогда становилась злая и говорила как бы про себя: «Когда же кончится эта кочевая жизнь!» Тетя Эйла во всем любила определенность, а Тимуру ничего – он другой жизни и не знал вообще.

Когда они приехали на Сумитру, дядя Илья отвел его на кухню, закрыл за собой дверь и долго с ним говорил. Он ничего не скрывал – хоть и было Тимуру тогда, смешно сказать, шесть лет. Весь разговор уложился в три пункта: в школе говорить, что прилетели с Земли, что Тимур долго лежал в больнице и что ничего не помнит. Это было легко. К тому времени Тимур уже привык к визитам в их дом разных комиссий: детских психологов, полиции, каких-то пожилых дядек в черных костюмах. Эти дядьки в костюмах были улыбочивые и добрые, они приносили Тимуру игры и душевно беседовали с дядей Ильей и тетей Эйлой за чаем с пирожными. Только глаза у них были острые и оценивающие, как у овчарок. Тимур тогда спросил, откуда они приходили. А дядя Илья перевел разговор на другое, да так и не ответил.

Об отце его тогда почти не спрашивали. А Тимуру хотелось со всеми говорить именно об отце. Неужели все эти люди не понимали, какой он герой? Он спас всех, спас Тимура и погиб сам. И дядя Илья тоже чуть не погиб, но ему повезло. Но почему-то об этом нельзя было никому рассказывать. И Тимур, честно глядя в глаза психологам и полицейским в блестящей форме, говорил, что ничего не помнит.

Он помнил все. Он до сих пор часто просыпался среди ночи, задыхаясь от ужаса. Чуть закроет глаза – и его окружают блестящие аппараты, молчаливые существа в масках. Проснувшись, Тимур на цыпочках выходил на кухню, пил стаканами воду и повторял себе, что это только сон. Нельзя поддаваться воображению.

Если дядя Илья хочет добраться до убийц отца, им надо действовать вместе.

Тимур встряхнулся, отбрасывая воспоминания, и в надежде огляделся. Хоть бы кто-нибудь проехал! Дело за малым: добраться на пятидесятый километр. И как назло – никого...

Тимур подошел к стоящему у обочины грязному грузовичку. Кто-то ведь приехал. Хотя... может, он стоит тут со вчерашнего вечера. Может, его хозяин сгорел вчера в корабле вместе с другими беженцами.

Он закусил губу, соображая. Остальные, похоже, тоже поняли, что попутки сегодня не будет. Кира упрямо стояла, глядя на них. Отказывалась признать поражение. Что ж, это хорошее качество, особенно в девчонке.

Орlando разогнался, в два шага взбежал по стене трансформаторной будки у дороги, перекувыркнулся в воздухе и приземлился, как кошка, на ноги.

– Шею сломаешь, – сказала Кира. Орlando не обратил внимания, выискивая взглядом новое препятствие. Тимур подпрыгнул и уселся на металлическое ограждение.

Возле люка пешеходного шлюза зажглась красная лампочка, и охранник, придерживая переговорник возле уха, трусцой побежал к будке – выпустить выходящих из городка наружу.

– Интересно, кого еще несет, – негромко выговорил рыжий. – Вдруг им тоже на пятидесятый километр.

Со скрежетом отъехал в сторону люк. Внутри кабины стоял, прикрыв глаза рукой от солнца, человек.

Тимур невольно вздрогнул, и другие тоже отступили назад, хотя дело было привычное. Одни выходят – другие входят. Он сначала только заметил смешную шляпу с узенькими полями. Человек прижимал ее другой рукой, чтоб не снесло нагнетаемым воздухом. На нем были замызганные ботинки и перекошенный старый плащ. Тимур было решил, что это прозевавший эвакуацию комбинатовский, но что-то в нем было не так.

Человек сощурил слезящиеся от света глаза. Он был очень старый, с худым обвисшим лицом. Рука, прижимающая шляпу, была серо-желтая, вся в мягких глубоких морщинах. Старик оглядел их, пожевал огромным узким ртом и маленькими осторожными шажками начал бочком спускаться по наклонному пандусу, пошатываясь и взмахивая руками. У будки охранника задержался, словно ожидая, когда тот закончит разговор. И тут его ссутулившаяся фигура напомнила Тимуру вчерашние события. Ну конечно!

– Я его видел, – кивнул он остальным. – В космопорту вчера. Он мимо нас прошел, а потом сидел в зале ожидания на лавочке. Я еще подумал: странный тип, все бегут, а он как будто только этого и ждет.

Тимур нахмурился, вспоминая: опустевший зал, тетя Эйла тащит за руку, дядя Илья спорит с охранником, а этот старикашка сидит, трясет головой, что-то сам себе говорит.

– Он, видимо, сумасшедший, – авторитетно заявил Тимур. Кира раскрыла глаза – в них ударило далекое солнце, отразилось синевой – и охнула.

– Как же он так один... – озабоченно сказала она и скосила глаза, рассматривая. Старик стоял спиной к ним, словно задумался. – Может, он сбежал и его ищут... надо у него спросить...

– Его, наверное, все бросили, – Орландо сочувственно свел брови. – Сами улетели, а его оставили. На произвол судьбы.

Старик как будто услышал – повернулся, посмотрел и неуверенно, на слабых старческих ногах, направился к ним.

Огромный шишковатый нос, белесые, как у слепого, глаза под пожелтевшими, в пятнах, набрякшими веками. Он засунул руки под мышки и слегка дрожал. Наверное, ему холодно. У Тимура сжалось сердце. Как же можно было кинуть на планете такого беспомощного старика. Дети – или кто там у него есть, взрослые уже – сами сбежали, а его на посадку не дотащили. Еще, наверное, из ума выжил, так упирался небось.

От смущения Тимур сплюнул себе под ноги. Старик внимательно посмотрел сначала на пятно на бетоне, потом перевел взгляд на Тимура. На остальных. Робкая улыбка сползла с лица, и он стоял перед ними, беззвучно шамкая раскрытым ртом.

– Вы кого-то ищите? – тихо выдавила из себя Кира. Голос у нее осип. Неужели от страха? Он был о Кире лучшего мнения.

Медленно старик кашлянул раз, другой, и до Тимура дошло, что это он так смеется.

– Ищу, – прошелестел голос. Орландо подошел поближе, и Тимур сразу обратил внимание, какой старик высоченный. Тот вытянул морщинистую руку из кармана и махнул куда-то в сторону.

– Все нас бросили... – прошамкал он, – теперь нужно держаться вместе. Так, друзья? – он растянул в улыбке большой рот. Блеснул золотой зуб.

Кира отступила назад и кивнула.

– Они думают, что спаслись, – продолжал говорить старик. – Но истинное спасение придет к нам, а не к ним... мы-то выживем.

Он сделал им знак, полез в карман и достал небольшой кристаллик на ниточке. Зажал ее в пальцах, приподнял руку, и кристаллик закачался у них перед глазами. Он сверкал, радужно переливаясь под утренним солнцем: вправо-влево, вправо-влево... На него хотелось смотреть и смотреть.

Воздух убаюкивал... кристаллик поблескивал, покачивался, голос старика успокаивал. Конечно, кивнул Тимур сам себе, все будет хорошо. Они справятся. Никто не погибнет.

Остальные трое стояли спокойно, слушая голос старика. О чем он говорил? – Тимур напряг слух, но не мог вникнуть в смысл его речей. Наверное, все-таки кислородное голодание сказывается.

– ...и мы все сядем и улетим на таком большом корабле... далеко... только мы. Улетим туда, где другие нас не найдут – ни на Земле, ни на Сумитре...

Борясь с растущей головной болью, Тимур начал понимать. Этот старик, наверное, и есть тот сумасшедший богач, о котором рассказывал дядя Илья. У которого корабль спрятан. И он предлагает им всем вместе лететь на этом корабле.

Какая удача! Тимур оглянулся на остальных. Глаза Киры полузакрыты, лицо расслаблено. Она пошатнулась, но удержалась на ногах, ухватившись за плечо Орландо. Тот стоял не шевелясь и смотрел старику прямо в глаза. Рыжий слегка покачивался на ногах.

Тимуру пришло в голову, что они сейчас смахивают на зомби. Но даже эта мысль не удивила и не рассмешила его. Ну и что, сказал внутри посторонний голос. Бывает и хуже. Делай то, что надо, чтобы остаться в живых.

Зато вдруг всплыли в памяти вчерашние слова тети Эйлы по дороге в космопорт. Четко, как будто она стояла рядом и говорила: «Надо будет охраннику бумажку сунуть... ну и что, что денег нет... на такое люди отдают последние...»

Медленно у Тимура начал созревать план. Голос старика шумел в ушах, не проникая в сознание. Может, он и сумасшедший... но он добрый, и ему можно доверять. Безусловно, можно. Он их всех спасет.

Пронзительный звук вывел Тимура из ступора. Кира рядом с ним вздрогнула всем телом и полезла в карман куртки за трезвонящим телефоном. Руки ее тряслись. Полуосмысленным взглядом обвела всех.

В трубке забулькал женский голос.

– Да, мама, – послушно ответила Кира. – Хорошо, мама. – Помедлила, слушая голос. – Со мной все в порядке, мама.

Не слушая больше голос, она захлопнула крышку телефона и, не прощаясь, осторожно пошла обратно по бетонке, глядя себе под ноги и неуверенно покачиваясь.

Тимур с любопытством посмотрел на старика. Тот стоял хмурый, раздраженный, но молчал. Вслед за Кирой оба парня из седьмого повернулись и пошли – так же неуверенно, как будто им только что пришили ноги. Никто не попрощался.

Старик стоял и смотрел вслед ребятам, поджав тонкие губы. Конечно, никаких бумажек ему не сунешь. Он сам кого захочет, того и купит. Но вдруг он их пожалеет и пустит на свой корабль? Тимуру все равно, куда лететь, лишь бы Илью с тетей Эйлой увезти подальше отсюда. И Киру, и Орландо, и того рыжего. Нет, надо попробовать его упротить.

До Тимура вдруг дошло, что он стоит и что-то мычит, а старик за ним наблюдает с улыбочкой. Уж не рассуждал ли Тимур вслух сам с собой? Краска залила ему лицо. Он задрал подбородок – невероятного роста был этот старик – и заговорил погромче.

Просить было невыносимо стыдно и страшно. Тимур никогда в жизни ни о чем не просил. Нет, врет: просил, когда умирал отец. Тимур тогда умолял врачей, чтоб взяли у него кровь для

переливания. И как он себя возненавидел тогда, потому что ему сказали, что у детей кровь не берут.

У дяди Ильи зато кровь тогда взяли. И у других астронавтов тоже. Тимуру потом сказали – целое ведро. Но ведра крови не хватило, и отец умер. Вот тогда дядя Илья и сказал Тимуру: «Мы теперь с тобой одной крови. Пошли к нам жить».

И вот теперь он просил второй раз в жизни, чтобы старик взял всех на свой корабль.

Старик слушал его, не перебивая. Время от времени он кивал и пристально смотрел на Тимура.

Тимур замолк и стоял, тяжело дыша и проклиная себя. Сейчас старик засмеется и скажет: «Нашли дурака!» И пойдет своей дорогой. И никого Тимур не спасет.

Старик помолчал и сказал только одно слово:

– Хорошо.

Тимур не поверил своим ушам.

– Я пойду скажу им? – сипло спросил он.

– Конечно, мальчик, – сказал старик. – Как тебя зовут? Да, Тимур. Ступай, Тимур. Пожалуйста... да, пожалуйста, я подвезу тебя. Сегодня в пустом городке опасно. И как только твои родители не боятся...

Он крепко взял Тимура под локоть и подтолкнул его к грузовичку. Тимур сделал шаг – и его замутило. Он ухватился за старика и замер, хватая ртом воздух.

Старик приподнял Тимура и посадил в кабину.

– Без маски... Так нельзя. Вот, – он полез в ящик под сиденьем и вытянул небольшую новенькую маску. – Надень-ка. А то мне от твоих родителей попадет...

Тимур послушно дал надеть на себя маску. Она дохнула антисептикой, каким-то лекарством.

Повинуясь знаку старика, он вдохнул. Голова закружилась сильнее.

Последнее, что заметил Тимур, – вороватый взгляд старика в сторону опустевшей дороги.

Тьма обволокла его и утащила на дно, в черноту.

Глава 5

На входе в атмосферу рука не спавшего двое суток Живых дрогнула на консоли.

Корабль дернулся и начал заваливаться вниз, набирая скорость. В экранах приближалась черная поверхность. По ней плясал гигантский луч корабельного прожектора, высвечивая коробочки модулей и ниточки заброшенных дорог.

– Да давай же, свинья такая! – рычала Бой-Баба на корабль, проклиная себя, гравитацию, консоль, компьютеры. Живых молча впился глазами в монитор, корректируя траекторию. Экран заполнил светящийся багровым кратер и пронесся так близко, что Бой-Баба машинально отшатнулась.

– Ты еще пригнись, – сквозь зубы сказал Живых, не отводя глаз от монитора.

Перед самой посадкой они сумели-таки выровнять корабль, но до полосы не дотянули. «Летучий голландец» завис над мертвой равниной, дрожа от напряжения.

– Сажаем, – просипела пересохшим горлом Бой-Баба.

Корабль задрожал сильнее.

– Да что за черт? – пальцы ее бегали по панели управления, глаза впились в экран. Двигатели натужно загудели.

– Я ничего не понимаю... – прошептал Живых. Потом: – Держи! Держи же!

– Чем держать, задницей? – огрызнулась она.

Корабль завис боком, так что оба они скользнули в удержавших их ремнях. Хорошо, что больных закрепили, подумала Бой-Баба. Пальцы Живых колотили, как по клавишам, по поверхности сенсорной консоли.

– Тут что-то... защитное поле, что ли... – он повернул к ней покрасневшее лицо. – Управление все вырубилось!

– Сама вижу. – Она еще пыталась переключиться на аварийку, но и аварийка сдохла. Корабль трясся и натужно гудел в паутине защитного поля.

– Во сволочи, – сквозь зубы проговорил он, – базу на защиту поставили, а никого не предупредили.

Лампы под потолком мигнули и погасли. Потухли экраны. Разноцветные пиктограммы консолей светились еще несколько мгновений.

– Ну че, молись, – успела сказать Бой-Баба. Все вокруг нее завертелось, загрохотало. Ее тряхнуло в ремнях, и больше она ничего не помнила.

Вокруг стояла тьма. Боли не было. Вот башка раскалывалась, но это хорошо – значит, еще на месте.

Что произошло? Она попыталась вспомнить, но память была пуста. Где она? На Земле? В училище? Это что, учебный полет? Наверное, симуляция аварии. Поэтому ей не больно.

Она протянула руку, ощупала странно гладкое бедро. Металл. Она что... модифицированная? Бой-Баба попыталась скосить глаза на ногу, но ее сразу замутило. Где она? Сколько ей сейчас лет? Что, вот так уже и прошла жизнь?

Память не успевала за остальным телом: дышалось уже легче, она нащупала ремни, определила свое положение. Она висела в кресле почти вниз головой. То-то башка и болит. А память все барахталась в пустоте, не в силах ни за что зацепиться, не находя знакомых воспоминаний.

Рядом кто-то застонал. Мужской голос. Знакомый.

Она вспомнила. Живых! А кто еще? Сколько их всего в команде?

– Идентификация экипажа, – произнесла она и поразилась чужому механическому голосу, который шел откуда-то из ее оплетенного металлом горла.

Живых опять застонал. Свет бы сюда! Кнопка аварийки... где кнопка аварийки? Осторожно, чтоб не стошнило, она скосила глаза вбок, на подлокотник. Непослушными пальцами откинула защитную крышку, нащупала под ней кнопку и нажала.

Ничего.

Затем что-то загудело, и через несколько секунд тьма немного рассеялась. Желтые аварийные лампы хило мерцали по окружности отсека. Ну да, мостик. Что за корабль? Выяснит, никуда не денется.

Рядом с ней в соседнем кресле обмяк модифицированный корпус получеловека. Неужели это Живых? Он висел, как и она, на натянувшихся ремнях в скособоченном кресле. Вытащить его будет непросто, тяжесть такую.

Бой-Баба ухватила за подлокотник, отстегнула один ремень, и тело скользнуло, еле удерживаясь в кресле. Подтягиваясь на руках, она выскользнула из петли второго ремня, повисла и прыгнула на наклонный пол. Вернее, потолок. Незнакомый ей корабль приземлился носом вперед.

Живых оказался легче, чем она думала. Он отпихивал ее, брыкался и больше мешал, чем помогал. Осторожно она положила его на пол, расстегнула костюм и стала осматривать повреждения. Стальные протезы, дай конструкторам бог здоровья, выдержали. Амортизационные кресла приняли на себя удар, но трянуло их обоих основательно.

Бой-Баба осторожно потрепала его по щеке.

– Эй! Ты меня слышишь?

Он что-то промычал. Она беспомощно огляделась.

– Я пойду проверю медблок, – сказала она. – Если повреждений нет, тебя туда перетащим. Идти сможешь?

Он разлепил глаза и опять замычал. В груди у него захрипело – как радиопомехи. Ах, ну да. Это аппарат искусственного воспроизведения голоса, наверное, отказал. Она сделала знак рукой: помолчи.

– Я быстро. – Она поднялась и, придерживаясь за перекошенные панели, на подкашивающихся ногах поплелась к двери.

Она ползла на четвереньках по наклонной поверхности, с трудом ориентируясь в переходах. Особых повреждений в коридорах не было заметно. Мерцали аварийные лампы. Надолго ли их хватит? И не заклинило ли выходные люки? Дышать было тяжело. Лишь бы медблок был открыт, о прочем можно побеспокоиться потом. Где весь экипаж? Где медик?

Люк в медблок был закрыт. Замирая от дурного предчувствия, она ухватила за рычаг и потянула дверь в сторону. Та глухо загудела и со скрежетом подалась в сторону. Слава богу!

За дверью так же помаргивали аварийные лампы. Компьютер не работал. Она потеряла лоб. Что надо при сотрясении? Вспоминай, учили же...

Раздался стон.

Она вздернулась.

– Медик? Ты тут? – Хоть бы вспомнить, кто у них сейчас медик...

Не слыша ответа, она подползла к двери в больничку, из-за которой прозвучал стон. Нажимая всем телом, толкнула дверь в сторону и сощурилась, рассматривая полутемное помещение.

Пристегнутые к койкам по рукам и ногам висели люди.

* * *

Вильсон ввалился к Илье вскоре после ухода Тимура. Посеревшая, бесформенная маска болталась на шее. Только что из-за Купола.

– Ты мне нужен, – скомандовал Вильсон, светя фонариком Илье в лицо. – Поедем на комбинат.

Илья прикрыл глаза от света рукой.

– Зачем?

– Нагнетатели встали. На комбинате есть запасы кислорода – продержаться хватит, пока снова не запустим, но без приказа ведь не поделится. Теперь мы с тобой тут главное начальство, так что поехали, – Вильсон бросил взгляд в окно, где стоял его внедорожник.

Морщась от яркого света, Илья натянул куртку и сапоги. Хотел попрощаться с женой и передумал. Тихо вышел из дома и поджидал снаружи, пока Вильсон громогласно объяснялся с Эйлой. Ее нервный, сорванный голос. Наконец Вильсон вышел, светя уже ненужным фонариком себе под ноги.

– Садись, – скомандовал он, забираясь внутрь. – Не думал, что придется когда-нибудь снова на комбинат начальником ехать... – Он поправил куртку, пристегиваясь, и Илья успел заметить висящую у пояса кобуру.

Машину кидало на разбитой транспортерами трассе. Подачу кислорода Вильсон в целях экономии отключил, и ветровое стекло сразу запотело изнутри. Он ехал молча, не отрывая взгляда от дороги. Наконец Илья не выдержал:

– Что с нагнетателями-то?

Вильсон помолчал, пожевал губами.

– Не знаю, – наконец ответил он. – Я туда уже ездил. Вроде неисправностей нет. Должны качать.

Илья подумал.

– Может, сбой в компьютере? Баг какой-нибудь в команде.

– Возможно, – Вильсон оторвал руку от руля, рукавом протер ветровое стекло перед собой. – Я хотел проверить, да офис заперт, ключа ни у кого нет. Менеджмент весь разбежался. Как крысы, честное слово... – он помолчал. – Но ты прав. Надо проверить сервера. Должен быть какой-то след. Не бывает, чтоб все просто так взяло и отказало! – он стукнул кулаком по приборной панели.

Илья потер пульсирующий болью висок:

– Ты связывался со спасателями? Когда они тут будут?

Успеют ли они, чуть не добавил он, но удержался.

– Если нам кислорода хватит, то успеют, – ответил Вильсон на незаданный вопрос.

Дальше они ехали молча. Дорога петляла среди черных, оплавленных древней катастрофой скал – память о том, как в Сумитру миллионы лет назад чуть не врезалась бродячая планетка. Пролетела, срывая атмосферу, сжигая по пути все на поверхности – леса, скалы, города, – и сама раскололась на множество кусков в поле притяжения Сумитры, самый большой из которых – Киак – и стал с тех пор спутником планеты.

– По взрываю кораблей что-нибудь есть? – прервал молчание Илья. – Имена погибших удалось выяснить? Черные ящики нашли?

Вильсон не посмотрел на него:

– А хоть бы и нашли, что они дадут? Если бы один корабль, могла бы быть случайность. Все сразу – это кое-что похуже. Тут уже ясно, что дело не в ящиках... – он осекся.

Из-за поворота показались вдалеке трубы и купола комбината. Полнеба застилал сизый дым. Комбинат не останавливался никогда. Ради него и существовала колония на Сумитре. Ради него и вербовались сюда люди.

– Надо будет составить списки оставшихся, – глухо сказал Илья. – Всех обойти, переписать – наших в городке, рабочих на комбинате, фермеров-поселенцев... В компьютере есть информация обо всех выбывших ранее – кто уволился, заболел, вернулся на большую

землю... – он помедлил. – Путем простого вычитания вторых из первых получим списки погибших на кораблях. Я скажу Эйле, у нее это лучше получится.

Вильсон кивнул. Илья отвернулся, глядя в окно. Утренний взбрык Тимура не давал ему покоя.

Он бросил взгляд на часы. Вот вернется – и вечером они поговорят. Не надо было Илье их везти на Сумитру. И сам как-нибудь справился бы. Тем более у Тимура такая травма – и отца убило, и сам чудом жив остался, а Илья и его сюда потащил. Права Эйла: вечно он думает только о себе.

Илья поерзал на жестком продавленном сиденье. Собираясь на Сумитру, он думал, что приближается к цели. И ничего подобного. Убийцы Булата, мучители Тимура были отсюда так же далеки, как и с Земли. Проникнуть на Бокс-бэ с Сумитры было решительно невозможно, будь Илья хоть один, хоть со своим экипажем. Тем и закончилось: нудная работа в космопорту, плохая школа для мальчишки и неуголенная – близок локоть, да не укусишь – жажда справедливости.

Так он теперь и унесет ее с собой в братскую могилу последних жителей Сумитры. И если бы он один... будущим самых дорогих людей заплатил Илья за свой дурацкий план.

Он качнул головой – и боль, улегшаяся как будто, стянула череп ремнем.

Ну ничего. Сейчас они договорятся с комбинатовскими, вернутся в городок – и сразу на стадион. Найдут Тимура и домой... как будто ничего не произошло.

Со скрежетом машина затормозила перед обшарпанной бетонной аркой у входа на комбинат. Все пространство вокруг было запружено грузовыми транспортерами. Похоже, на добычу сегодня не посылали.

– Приехали, – глухо сказал Вильсон.

Возле огромного проржавевшего люка стояли долго. Вильсон препирался с охранником. Наконец вернулся, сдернул маску, завел мотор.

– Не доверяют! – прокричал он. – Говорят, что все это подстроило руководство с Обществом Соцразвития. Что хотят закрывать комбинат, а от рабочих избавиться.

Люк заскрежетал, поплыл в сторону. Вильсон въехал в проем. Внутри стало темно.

Начальник охраны слез с табурета в своей будке и пошел с ними, позвякивая связкой ключей в опущенной руке. Илья оглядывался с любопытством. На комбинате он был лишь однажды, сразу после их приезда. Тогда его называли «новый комбинат». Но теперь ничего нового здесь не осталось: покрытые копотью стены, ряды труб, с которых капала вонючая жижа, заросшие липкой пылью оконные стекла высоко под потолком. Из глубины цеха доносились из громкоговорителя команды.

Они шли медленно, оттягивая момент, когда им придется говорить с представителями. Илья уже слышал, что во время аварии на старом комбинате Вильсон – тогда бригадир на добыче – полез в самое пекло, пытался спасти своих рабочих. Они все погибли. Выжил он один. И когда вышел из больницы, перевелся в космопорт, подальше от ненавидящих взглядов шахтеров, для которых он был такой же кровосос-начальник, как и благоухающие парфюмом менеджеры из Общества Соцразвития.

Он оглянулся на Вильсона. Тот шел вразвалочку, по-хозяйски осматриваясь вокруг. В гулком шуме их шагов не было слышно. То-то он голос себе и сорвал, работая тут, подумал Илья, морщась от грохота.

Вильсон наклонился к его уху:

– После аварии собирались комбинат закрывать! Но Соцразвитие уперлось рогом! Не хотели останавливать производство!

Вдали в отсветах пламени шевелились тени. Илья вытер рукавом взмокший лоб.

– Я слышал, они на выплатах жертвам чуть не разорились тогда.

Блестящее от пота лицо Вильсона повернулось к нему.

– Ну, ты Общество Соцразвития не жалеи. Они знали, на что шли. Все им говорили, что открывать комбинат на Сумитре не рентабельно. Не поверили! Так что ж теперь слезы лить...

Грохот рос, лязг пробирал до печенок. Как же они тут работают? Вильсон помолчал. Потом тронул его за рукав и сказал в самое ухо:

– Ты с ними полегче. Народ тут уже ни богу, ни черту не верит. Считают, что их все бросили. Так что не сгущай краски, не порть картину.

Они спустились по широкой истертой лестнице к офисам. Из-за дверей столовой донесся запах прогорклого масла и хлорки. Здесь было потише. Вильсон остановился, повернулся к Илье.

– Это верно, что руководству и Обществу Соцразвития от комбината одни убытки. А остановить нельзя – они тогда вообще по миру пойдут. Все их деньги в него вложены. Слух пошел, что аварию они тогда сами и подстроили. Но это только слухи, имей в виду.

Илья кивнул и взялся за ручку двери:

– Так что говорить-то будем?

Вильсон не ответил.

Стены комбинатовской столовой были когда-то окрашены, но краска слезала клочьями, обнажая потемневшую от сырости кладку. Столы и стулья навалены друг на друга в углу. После грохота цехов тишина стояла такая, что разрывались уши.

Их уже поджидало с полтора десятка человек – грязных, закопченных, с белыми кругами чистой кожи вокруг ввалившихся глаз и поджатых ртов. На Вильсона и Илью смотрели враждебно. Здесь, похоже, их считали представителями компании.

Илья вытащил из груды колченогий стол, взобрался на него и, покачиваясь на шаткой поверхности, принялся объяснять. Кое-кто из рабочих придвинулся поближе. Разводя для убедительности руками, Илья рассказывал уже осипшим голосом, что ситуация под контролем, что спасатели уже в дороге, что нужно продержаться до починки нагнетателей в городке.

Прогремел оглушительный звонок. За распахнутыми дверьми столовой послышались шаги и голоса. Начали заходить новые слушатели – грязные, усталые и злые. Илья повысил голос, стараясь перекрычать вошедших.

– Они и так на нашем горбу тут живут! – перекрыл гул толпы голос. – На всем готовом! А теперь им еще и кислород подавай? А мы можем и отходами из труб дышать?

В толпе одобрительно засвистели. Илья оглядел море лиц – злые, усталые взгляды.

– Начальство покрываете! – прорезался сквозь крики сиплый сорванный голос. – А они там все преступники! Вон Вильсон стоит – хватило совести, приперся! Убийцы вы там все! Вам человеческая жизнь – копейка!

Илья переступил с ноги на ногу. Люди подступали ближе. Один из рабочих облокотился на шаткий стол, на котором стоял Илья.

– Всех подорвать на старте не получилось? Нас решили задушить? – спросил он. Негромко спросил, но толпа замолкла. Все ждали его ответа.

– Это был несчастный случай, – выдавил Илья.

Тут загомонили все: «Диверсия это!» «Что его слушать, он сам ничего не знает!» Илья потерял нить и замолчал, глядя поверх голов. Скосил глаз на Вильсона. Тот стоял бледный, руки на поясе, поближе к кобуре.

Илью прохватило холодом. Он разлепил пересохшие губы. Стоящие сзади напирали, рабочие подступили ближе. Кто-то оттер Вильсона в сторону. Стол под Илеей качнулся.

– А спасатели точно летят? – выкрикнул голос.

Илья облизал губы. Огляделся. Напряженные, враждебные лица.

– Я не знаю, – признался он. – Но мы отсюда выберемся. Сами выберемся. Пошлем сигнал бедствия. Вон Вильсон и пошлет.

Он почти услышал вздох облегчения начальника охраны.

– И еще, – повысил голос Илья. – Мы приехали не отнимать у вас кислород или что вы там решили. Но в городке тоже остались люди – дети, – тут он вспомнил Тимура, – и они надеются на вашу помощь. Вместе мы выживем. По отдельности... что ж, может, тоже выживем. Но на хера нужна такая жизнь, друг от друга глоток кислорода прятать?

Толпа подалась, зашумела. Рабочие зашумели, размахивая руками. Илью уже никто не слушал. Он соскочил со стола и в гуле голосов махнул Вильсону: теперь пусть решают сами.

– Спасибо, что со мной поехал, – на обратном пути сказал Вильсон почти нормальным голосом. – Без тебя бы я не смог.

– Лишь бы люди были живы, – Илья повернулся к Вильсону и успел заметить жесткое, сосредоточенное выражение его лица.

– Ты прав, – наконец сказал Вильсон. – Люди будут живы. Это главное.

И замолчал, глядя на дорогу, сжатую в кольцо черных скал.

* * *

Мальчик в спортивных штанах, с перехваченным на затылке хвостом из косичек-дредов – Илья смутно помнил, что вроде бы его звали Орландо, – вжал голову в плечи и косил глазом в сторону. Это он прибежал к Илье с вопросом, не вернулся ли Тимур.

– Но он точно пошел домой? – в десятый раз переспросил Илья.

Мальчик кивнул.

– Мы сидели болтали. Скучно. Тимур говорит, ну я пошел. И пошел. И мы все пошли. И все.

Он говорил монотонно, как автомат, будто повторял заученное.

– Вы что, ходили в старый поселок? – На месте желудка у Ильи в животе был камень. Он еле сдерживался, чтобы не побежать сейчас же, не глядя, по улицам городка. Бежать и звать Тимура, пока горло не откажет.

Мальчик замахал руками:

– Не-ет, мы на стадионе были. Мы там всегда собираемся. – Его лишенные выражения глаза уставились на стену за спиной Ильи.

Илья поднял руку, потер лоб. Посмотрел на мальчишку – тот переминался, выжидая, когда же Илья его отпустит. Еще предстоит сказать Эйле... Сейчас договорит, хоть что-то узнает, и сразу искать.

– А кто-нибудь еще с вами там был? – каждое слово приходилось выговаривать, иначе из горла вырывался бы только хрип.

– Ну, Кира была, – сказал мальчик. – Еще один пацан.

– Они не ссорились?

– Да не. У нас все нормальные. – Мальчик поднял пустой взгляд.

Илья беспомощно огляделся.

– Может, вас видел кто-то из взрослых? Вы с кем-то разговаривали?

– К нам никто не подходил, – сказал мальчик заученно. – Мы были одни.

В груди похолодело. Он всегда старался не показывать беспокойства за приемного сына, хотя куда денешься – конечно, ребенок, но как бы не перегнуть палку, как бы не прищипить его навсегда к Эйлиной юбке. И всякий раз, отпуская Тимура в школу, он смотрел ему в спину долгим взглядом и уверял себя, что парень взрослый, разумный, что не зря он его учил, кому можно доверять, а кому – нет.

– Я точно знаю, – сиплым голосом сказал Илья мальчишке, – что Тимур предупредил бы нас. Он знает, что мы волнуемся.

У того от напряжения над губой повисла белая сопля. Мальчишка шмыгнул носом, втянул ее и утерся.

– Домой он пошел, – повторил он. – Я как сейчас вижу. Вы же мне верите, дядь Илья?

Тот кивнул рассеянно:

– Ну иди, ладно. Нет! Подожди, я провожу.

Он положил тяжелую руку на плечо мальчика и повел его по темнеющей улице, радуясь, что этим задерживает возвращение домой и разговор с Эйлой.

Глава 6

– Какая полиция? – Вильсон облокотился на свой рабочий стол и посмотрел снизу вверх на Илью. – Где ты их видел? Вся верхушка сбегала на первых же кораблях.

Веки его покраснели, щеки ввалились на посеревшем лице. За сутки эвакуации начальник охраны постарел на двадцать лет. Илья подтянул стул для посетителей и опустил на него. Вильсон покачал головой:

– А ты и поверил, что они за Купол не выбирались? – он усмехнулся. – Сейчас дети такие пошли... масок не носят, шляются где попало. Нужно идти искать. Но людей у меня нет, ты уж прости.

Илья не ответил. Вильсон не мог сказать ему ничего, что он уже не услышал от Эйлы. Он и из дому-то сейчас ушел, чтобы вздохнуть спокойно и не видеть ее поджатых в ниточку губ.

– Я не за этим, – повторил он. – Я просто подумал...

Илья оглядел офис аварийки. Все пространство вдоль стен было заставлено обшарпанными аппаратами, в том числе дальней связи. В офисе горели лампы. Брезжило утро. Всю эту ночь Илья, велев Эйле не выходить из дома и сидеть на телефоне, бродил по улицам с фонариком. Звал Тимура. В модулях зажигался свет, кое-где открывали окна, выглядывали, но, взглянув на его лицо, ничего не говорили. Тимура никто не видел. Он пропал из городка. Илья взял у Вильсона казенный мини-транспорт и на нем объехал все окрестности от старого поселка до самого комбината – дальше мальчишке пешком не уйти. Внедорожник и сейчас стоял снаружи, заляпанный по самые окна желтоватой грязью.

– Я подумал, может, по связи объявить, – сказал Илья. – Наверняка его кто-то видел.

Вильсон с сомнением посмотрел на него. Перевел глаза на аппарат.

– А что дети говорят, которые с ним были?

Илья задержал дыхание.

– Говорят странно. Они никого не видели. Кира ушла, потому что ее позвала мать. И двое других за ней. Но я всегда говорил Тимуру: никогда не оставайся один, всегда держись остальных: куда они, туда и ты с ними. Не понимаю, почему он решил сделать по-своему в этот раз.

Вильсон с сочувствием смотрел на него. Илья не знал, куда спрятаться от этого взгляда. Он, он сам виноват во всем.

Вильсон подошел к огромному, во всю стену, окну, за которым висел непроницаемый утренний туман. Он протянул руку и выключил свет. В офисе настала зыбкая ранняя полутьма.

– Я объявлю, – сказал он. – Ты мне дай его описание, приметы.

– А сам не помнишь? – Илья полез в карман, достал мятую бумажку, исчерканную дрожащей рукой Эйлы. Расправил ее на столе, пробежал глазами. Вроде она ничего не забыла.

Вильсон усмехнулся.

– У меня детей нет. Для меня они все на одно лицо. Хотя твой Тимур особенный... У парня есть авантюрная жилка. – Он подошел к Илье, хлопнул по плечу. – Я не удивлюсь, если он сам выпутается из передраги.

Он взял из его рук бумажку, прочитал. Кивнул.

– Иди. Я зачитаю. Мне все равно в эфир выходить.

– Зачем? – тускло спросил Илья, соображая, что же теперь ему делать. Он продумал все свои действия до этого момента, до разговора с Вильсоном. А что теперь? Возвращаться домой к Эйле? Слушать ее мрачное бурчание – якобы сама с собой, но явно для его ушей?

Со стула подниматься не было сил. Хотелось остаться в кабинете Вильсона на весь день.

Вильсон вернулся к столу, опустился в вертящееся кресло. Крутнулся вправо, где при-
мыкала к рабочему месту консоль управления. Потыкал в сенсорную панель, набирая комби-
нацию.

– Горожане организовали Совет Спасения, – сказал он вполголоса. – Они решили послать
сигнал бедствия. Кто-нибудь, может, откликнется.

Илья усмехнулся.

– Кто? Инопланетяне на летающих тарелках? В этом секторе Космоса все корабли при-
надлежат Обществу Соцразвития. Сама Сумитра и мы вместе с ней принадлежим Обществу
Соцразвития. Раз уж они решили нас оставить, никто на помощь не придет.

Вильсон посмотрел на него исподлобья. Усмехнулся.

– Я им хотел об этом сказать. Но они, по-моему, сами все понимают. Просто хотят дать
оставшимся видимость надежды.

Он помолчал, облокотившись на стол, сжав голову в черных лапищах. Наконец поднял
глаза на Илью. Помедлил.

– С самого начала не надо было строить поселения на Сумитре. Шутка ли: комбинат,
тысячи человек, всех обустроить и прокормить! Это Общество наверняка уже прокляло сто
раз эту свою затею с комбинатом. От него одни убытки...

– Им виднее, – рассеянно ответил Илья. Но Вильсон уже поднялся, нервно зашагал по
офису. Остановился перед Ильей, заглянул ему в глаза:

– Когда авария эта была, десять лет назад, семьям погибших они так ничего и не выпла-
тили – слишком много их было! Нескольких выживших положили на консервацию, да только
их пришлось в конце концов утилизировать, потому что никто искусственное поддержание
жизни оплатить не мог!

Илья вскинул на него глаза:

– Этого я не знал, – тихо сказал он.

Вильсон развернулся, резанул ребром ладони вдоль горла:

– У меня этот комбинат вот здесь сидит! Эх, знал бы, когда сюда устраивался...

– Автоматизировать комбинат, и дело с концом, – механически ответил Илья, соображая,
по какому маршруту лучше ехать искать Тимура.

– Если бы! Автоматика там не потянет, а то давно заменили бы вахтовиков на роботов. На
добыче соображалка нужна, человеческие мозги, а они нынче не окупаются! – Вильсон замолк,
установился на бумажку с приметами Тимура и шевелил губами, готовясь зачитать ее в эфире.

Илья поднялся, но взмахом руки Вильсон остановил его.

– Смотри-ка, – заметил он уже другим тоном, – а я и не знал, что у Тимура шрамы от
стреляных ран. Это как же его угораздило?

Илья забрал бумажку у него из рук, просмотрел. Эйла дотошно описала расположение
каждого шрама.

– Там же, где его отца убило, – он вернул бумажку Вильсону. – Он чего-то не поделил
с людьми Донора. На Боксе. Они за то пытались похитить Тимура... да напались на Булата.
Тимура он от них вытащил, а сам погиб.

Вильсон не ответил. Оба помолчали.

– Бедный Тимур, – наконец выговорил начальник аварийки. Илья кивнул. Вильсон кинул
на него быстрый взгляд.

– Ты куда сейчас? – Вильсон искоса посмотрел на него.

Илья сжал зубы. Момент слабости прошел. Он точно знал, как ему действовать дальше.

– Составлю маршрут, поеду искать.

Вильсон помедлил.

– Карты есть? Если подождешь десять минут, я тебе скину.

– Вот за это спасибо, – Илья поднялся. – Я пока зайду к Мартине. Вдруг она что-то слышала...

Вильсон тяжело поднялся и принялся рыться в распечатках.

– Вряд ли она чем поможет. Только разбередишь. Ее Лили ведь уже десять лет как пропала. И они тоже искали...

– Может, все-таки что-то вспомнит. Попробуем действовать вместе.

Вильсон с сомнением посмотрел на него и пододвинул к себе микрофон.

* * *

В комнате было темно. Где-то капала вода. Пахло лекарствами и восстановленным воздухом. Гудел трансформатор.

Голова у Тимура раскалывалась. Во рту стоял металлический, похожий на кровь привкус. От жесткого матраца ныли все кости. Он не дома: это-то он сразу понял. Дома пахнет по-другому, и отец вечно что-нибудь напевает. Хотя, может, он тоже спит...

Он хотел позвать отца – и тут вспомнил. Отца не было. Отец давно умер.

Тимур чуть двинул шеей – и виски пронзила боль. Нет, резких движений делать нельзя. Он осторожно вернул голову в прежнее положение и принялся думать. Где он может быть, если не дома?

И тут в мозгу как будто щелкнуло, и все вернулось: люди в космопорту суетятся, кричат друг на друга, они с тетей Эйлой стоят в углу, она его прижимает к себе и смотрит на скатывающуюся с эскалатора толпу огромными глазами. Прижимает его к себе все крепче, Тимуру уже больно, а она ничего не чувствует...

Наверное, уже началась эпидемия. Поэтому они все тут лежат. Это изолятор. По ногам побежали мурашки от неподвижности – захотелось дернуть ступней, согнуть коленку. Тимур напружинил ногу и попытался сбросить одеяло.

Нога не двигалась.

Тимур попытался приподнять руку – но не мог даже сообразить, где она и как лежит. Он не чувствовал собственного тела. Еще раз Тимур попробовал шевельнуть шеей и толкнулся виском в жесткую стенку. Он что, в шлеме? Неужели уже закончился кислород?

– Эй, – тихонько позвал он, но из горла, стянутого болью, вырвался хрип. Тимур попытался облизать пересохшие губы и не смог двинуть языком. Весь рот занимала какая-то гладкая металлическая штуковина, и горло тоже было перекрыто – дышать можно, но сглотнуть нельзя и говорить тоже никак. Сердце заколотилось, хотелось подскочить на кровати и вопить, пока не прибежит тетя Эйла. С ним бывало такое раньше, после гибели отца.

Борясь с паникой, Тимур распахнул глаза, но ничего не увидел. Вокруг него стояла тьма. Сердце забилося о ребра, воздуху не хватало. Может, он умер и его похоронили заживо?

Но паникой можно только навредить, сказал он себе. Усилием воли Тимур заставил себя расслабиться. Главное – сохранять хладнокровие. Он выберется из могилы, даже если придется рыть землю ногтями.

Тимур постарался дышать ровнее. И тут его осенило. Это очередной кошмарный сон, просто в этот раз он не может проснуться. На самом деле ему ничего не угрожает.

Но что-то внутри говорило, что это не так. Может, Тимур и новичок в этих делах, но он не сумасшедший. Он в состоянии отличить сон от действительности.

От этой мысли все внутри завертелось со страшной скоростью. Неужели его снова похитили? Неужели он снова на Боксе? В их подземной клинике, в бункере, о котором знают только немногие посвященные?

Снаружи негромко загудело. Ложе вздрогнуло, и Тимур куда-то поехал. Резкий свет ударил в глаза, ослепил. Сквозь зажмуренные веки на свету зашевелились тени. Заклацали металлом шаги – многотонные, нечеловеческие.

– Он пришел в себя, – затрещал динамик радио.

– Ничего страшного, – ответил второй искаженный помехами голос. – Начинаем.

Усилием воли Тимур заставил себя чуть приоткрыть веки. Свет бил в глаза сквозь неширокий просвет визора. Действительно, на нем был шлем – такой тяжелый, что головой не двинуть. Свет ламп отражался от пластикового смотрового окошка и мешал рассмотреть неясные тени в темноте.

Тимур задышал спокойнее и сосредоточился. Хотелось зажмуриться опять, но он заставил себя смотреть, чтобы глаза привыкли к свету. За полупрозрачным пластиком визора лампы над ним были как у зубного врача в кабинете. Но зубы ему лечить не будут, это точно.

Если он снова на Боксе, то он постарается дорого продать свою жизнь.

Кровать дернулась и двинулась снова. Снаружи начало темнеть: ложе медленно въезжало в освещенную изнутри красными огоньками полость. Биоанализатор. Ну что ж, сказал Тимур сам себе. Остается надеяться, что на атомы его никто не разложит.

Огоньки внутри анализатора начали разгораться, бросая красноватые тени. Тимуру было видно собственный нос и округлую крышку, утыканную дрожащими лампочками. Запахло озоном. Двинуться он по-прежнему не мог.

Тимур смотрел вперед на медленно движущуюся полосу зеленоватого света. На мгновение она ударила по глазам и тут же прошла дальше, исчезла за краем визора. Запах усилился – незнакомый запах, похожий на сгоревшую проводку.

И тут он вспомнил.

Сгорбленная фигура среди древних развалин в старом поселке. Обещает увезти их с Сумитры, далеко-далеко на своем корабле. Вот Кира и Орlando уходят прочь, как автоматы, не оглядываются. Вот грузовичок, старик распахивает дверь, с улыбкой указывает на продавленное переднее сиденье. Новенькая маска, пахнущая лекарством и вот так же – паленой проводкой. Тимур вспомнил, как пришел в себя уже в машине, связанный по рукам и ногам, и как старик остановился посреди дороги и снова пихал ему в лицо эту маску и ругался на какого-то донора. И снова забытье.

Тимур напрягся. Кто бы они ни были, просто так они его не возьмут.

Он напряжинулся, сжал зубы. Отец учил – всегда ставь себя на место нападающего. Но как поставить себя на место дряхлого, выжившего из ума старика?

Тимур напряг горло, пытаясь заговорить, замычать. Напружинил руки и ноги, но по-прежнему не чувствовал собственного тела. Ничего! Он найдет способ вырваться отсюда.

Внутренность анализатора залил голубоватый свет. Он разгорался все ярче, сильнее; Тимур зажмурился, но даже сквозь веки ему было видно обрамленный черным прямоугольник визора и пупырчатую внутренность капсулы.

Сквозь помехи донесся низкий механический голос:

– Больно не будет. Лежи спокойно. Потом пойдешь гулять.

Тимур беззвучно напряг обездвиженное горло: *А домой вы меня отпустите?* И тут же услышал отразившийся от стенок шлема высокий без выражения голос:

– А домой вы меня отпустите?

Механический голос помедлил.

– Конечно. Тебе дадут мороженое. Для заморозки. А потом отпустят. Пойдешь куда глаза глядят.

– А кто-нибудь еще болен? – мысленно произнес Тимур, слушая повторяющий его слова механический голос. Голубоватое сияние разрасталось, слепило сквозь закрытые глаза.

– Пока еще нет, – ответил голос. – Потом.

Снаружи зазвенели звонки, запищали приборы. Кровать поехала снова, стало темно.

Тяжелые шаги – как сошедший с пьедестала каменный памятник – сотрясли постель и отдались дрожью в капсуле. Тихо загудел мотор. Щелкнули застежки, и невидимые руки стянули с Тимура шлем. Отросшую челку шевельнуло сквозняком.

Сбоку из темноты надвинулась тень и склонилась над Тимуром. Бедро кольнуло, как будто иглой. И сразу мысли начали путаться.

Сопротивляясь сну, Тимур напряг веки, стараясь запомнить происходящее. Темный силуэт заполнил поле зрения, нагнулся над ним.

Проваливаясь в забытие, мальчик беззвучно кричал, не отводя взгляда от отсвечивающего металлом корпуса, склонившегося над капсулой. Мутно-красные видеокамеры глаз сверлили его, искусственные конечности протянулись, поршнеобразные пальцы взяли за шлем. На оплетенной проводами стальной груди существа был намалеван фломастером красный крест.

* * *

– Ты чаю-то выпей.

Илья плохо видел от усталости в полутьме грузового ангара, давно переделанного под жилье. Перед сощуренными глазами маячило широкое пятно – Мартина, мать Лили. Девочки, пропавшей десять лет назад.

В руку ему ткнулась кружка с еле теплым жиденьким чаем. Он кивнул и отхлебнул из вежливости. Кроме Мартины его теперь никто не смог бы понять.

Пятно перед глазами отдалилось. Он пил чай и смотрел, как огромная Мартина в светлом самодельном балахоне – одежды ее размера в магазинах не было – тряся валиками жира, тащит к нему крепкий транспортировочный ящик. Вильсон ей их порядочно натаскал из грузового дока. Только они и могли выдержать ее вес.

Задышавшись, она опустилась на ящик перед ним, подхватила с пола свою кружку с чаем и подалась вперед, оперевшись пухлым локтем в неохватное колено.

– Рассказывай, – потребовала она.

Пока Илья говорил, он вспоминал новые подробности. Как упорно Тимур их уверял, что они не ходят за Купол. Может, и правда не ходят? Но ведь он же сам учил Тимура: правда, повторенная трижды, превращается в ложь...

– Я-то думал, что его знаю, – жаловался он внимательно слушающей Мартине. – Конечно, в этом возрасте у всех тайны. Мы просто не ожидали, что он так... отреагирует... – он замолк.

Мартина кивнула.

– С Лили было не так. – Она произнесла имя дочери легко, как будто ни на секунду не переставала его произносить – в уме, ночами, в подушку. – Мы... поругались. Она всегда была сама себе голова. Хлопнула дверью, сказала, что сбежит отсюда, что вернется на Землю, – она помолчала, глядя в чашку. – Что жить так, как я, она не хочет. Я не приняла ее слова всерьез, конечно. Кто... кто на корабль несовершеннолетнюю одну пустит, – выдохнула она и отвернулась, прикрывая пухлой рукой лицо.

Илья не успел ничего ответить, а Мартина уже повернулась обратно, губы ее дрожали и кривились, но она продолжала:

– Потом больше года встречала все корабли, всех спрашивала. На борту никто ее не видел. Никуда она не улетела. Она тут пропала. Погубили ее злые люди...

Илья кивнул с сочувственным лицом, держа чашку обеими руками, и огляделся в полумраке.

Замызганный пол, давно не мытый, в углу неубранная несвежая постель, одеяло валяется на полу. В углу несколько пустых кошачьих мисок с присохшими остатками еды.

Мартина помедлила, глядя перед собой заплывшими глазками.

– Я знаю, – тихо заговорила она, – что Лили жива. Что она тут. И я тут останусь, пока не найду ее. Или найду, или помру.

Илья кивнул. Муж Мартины, отец Лили, через пару лет после пропажи девочки уехал с Сумитры. Не выдержал. А Мартина осталась.

Ей пришлось уволиться с комбината: работать она уже толком не могла. Уставала через пять минут, путалась, запинаясь, бессмысленные глаза застилали слезы. А у кого поднимется рука списывать человека на Землю за полгода до ранней поселенческой пенсии? С подачи Вильсона придумали ей занятие в космопорту: сгребать мусор в пакеты, подбирать брошенные отлетающими в космопортовском кафе обертки из-под булочек и бутербродов. И все толстела, словно тащила на себе груз своей потери.

Он поднял голову и вздрогнул. Мартина смотрела на него в упор. Подалась вперед, обтирая потную ладонь о подол балахона:

– Дать тебе чего-нибудь болеутоляющего?

Он жестом остановил ее:

– Не трать зря. На меня таблетки не действуют.

– Да ну? – Мартина замерла, перевела взгляд на аптечку и обратно на Илью. – Чего так?

Илья пожал плечами.

– С дозировкой как-то напутал. Еле откачали, – вдаваться сейчас в детали давнего похищения Тимура не хотелось. – Тебе самой пригодится, – одним глотком влил в горло безвкусный чай и подал ей кружку.

– Пойду искать, – сказал он ей. – Кто знает... Может, и о Лили что услышу.

Она кивнула.

– Мой-то тоже собирался. Искать девочку нашу. Но... – она вздохнула, – тогда он ничего не добился, а теперь и подавно. Столько людей надо спасать, куда там одного ребенка...

Голос ее дрогнул. Она опустила глаза. Илья протянул руку и погладил ее по заплывшему запястью.

– Я его найду. Я успею.

Стены рифленого железа сотряслись от рывка входной двери. Желтоватый свет залил ангар. Тяжелые шаги Вильсона раздалились за спиной Ильи. Рука легла ему на плечо.

– Вот, карты принес, – негромко сказал Вильсон. – Наши карты, рабочие. Садись, помогу маршрут составить.

– Спасибо, – глухо ответил Илья.

Он поднялся и с пустой кружкой в руках подошел к самодельному столу с терминалом и включенным монитором. Вильсон протянул руку. Илья провел пальцами за ухом, нащупал вход во вживленный под кожу черепа эметтер и вытянул из разъема карту памяти. Обтер ее пальцами, прежде чем отдавать. Вильсон повертел карту в руках, вставил в планшетку, провел рукавом по пыльному до непрозрачности монитору. Глаза его ритмично забегали по ожившему экрану, вызывая страницы.

Илья послушно сидел и ждал, оглядывая помещение. Катышки пыли и обрывки каких-то бумажек на полу, кажется, лежали на тех же местах с того времени, когда он был тут в последний раз. Мартина громыхла грязной посудой в раковине и медленно ставила на тусклую, в нитях паутины, решетку блестящие от воды и неотмытого жира тарелки.

– Вот, – Вильсон откинулся в шатком выцветшем кресле. – Смотри внимательно. Я ее тебе уже установил.

Илья перегнулся через стол, щурясь от головной боли. На мониторе стояла топографическая карта их городка, комбината и обоих космодромов. Он прикоснулся пальцем к экрану, разворачивая изображение.

– А что тут? – глухо спросил он. Обтирая короткие пальцы о захватанную тряпку в клеточку, Мартина подошла и заглянула на экран. Усмехнулась.

– Пятидесятый километр. Где живет миллионер этот так называемый. Владелец частного космодрома.

Вильсон кивком подтвердил ее слова.

– Миллионер ли он вообще – это большой вопрос. Якобс его фамилия. Голландец, что ли. В городе его видели пару раз. Живет, как сыч, с женой и услугой. Он только в магазин выбирается, просроченные продукты по дешевке скупает. Говорит, так для охраны окружающей среды полезней.

Илья одной рукой отвел волосы от уха, на ощупь всунул карту в щель эметтера. Подключился и проверил закачанные только что файлы. Перед глазами, застывая неряшливую внутренность ангара, встала разноцветная трехмерная топографическая карта. На ней Вильсон уже проложил несколько вариантов маршрута. Все они лежали в стороне от старой дороги, ни один не вел на пятидесятый километр.

Мартина добавила тихо:

– Я раньше думала, он скряга, а теперь понимаю: он просто бедный... разорился давно уже. Когда нашу Лили... – она запнулась и посмотрела на экран неподвижными сухими глазами, – когда она пропала, он нам помогал ее искать. Сам на своем транспорте мертвый лес прочесывал. Но что он знает... так, нелюдим. Неудачник. Не нашел он ее.

Вильсон жестом остановил ее.

– Этот старый голландец, Якобс, совсем из ума выжил, но я-то не сумасшедший. Я тогда внимательно наблюдал за его реакцией. Он ничего не знал ни о Лили, ни о ком вообще. Пригласил меня внутрь – я обалдел: дом дыра дырой, а терминал – у нас в порту такого нет. Последние копейки на технику тратит, – Вильсон внимательно смотрел на монитор, на котором росла зеленая полоска загрузки данных. – Я так думаю – может, он и был раньше миллионером, но давно разорился. И база на темной стороне Киака была его, а теперь она законсервирована. – Вильсон нажал кнопку. Карта выскочила из отверстия блока памяти. Он бережно взял ее двумя пальцами и протянул Илье. – И корабль этот его на пятидесятом километре – честно говоря, я очень сомневаюсь, что он вообще существует. Наверняка уже давно продан за долги.

Илья кивнул, не вслушиваясь.

– Я машину пока возьму? – оглянулся он на Вильсона.

Вильсон кивнул и протянул ему тяжелый длинный сверток, завернутый в брезент и перевязанный отрезанным электрошнуром с болтающейся на конце трехразъемной вилкой. Илья принялся было развязывать шнур, но Вильсон бросил взгляд на Мартину и сделал знак: не надо. Илья понял, протянул Вильсону руку. Они обнялись.

– Если есть фотография Лили, покажи мне, – предложил он Мартине.

Она полезла под ржавую железную кровать в углу, достала старую полуразвалившуюся коробку из-под обуви. Вынула из нее пачки бумажек, открыток, перебрала их все и с самого дна нерешительно вытащила небольшую фотографию. Поднялась и стояла с ней в руках у выхода.

Илья шагнул к двери, протянул руку. Она неохотно подала ему цветную карточку. Он посмотрел.

Девочка лет пятнадцати надменно смотрела в объектив, прищурившись и поджав пухлые губки. Светленькая, миленькая. В этом возрасте они все на одно лицо.

– Пошел я, – он сунул ей карточку и выбрался наружу, в слабый дневной свет. Сжал сверток с излучателем и зашагал вперед, не оглядываясь.

Глава 7

Холодное звездное небо Киака застыло над территорией заброшенной базы. На горизонте отсвечивали багровым жерла вулканов. Прожектор транспортера, который Бой-Баба кое-как вывела из искореженного посадкой дока «Летучего голландца», выхватывал из вечной тьмы приземистые бетонные модули.

Ее трясло от тяжести и изнеможения. Бой-Баба проморгалась и всмотрелась в начинающуюся впереди темную полосу дороги. Фосфоресцирующие бакены по обочинам отражали свет прожектора. За ними лежала оплавленная блестяще-черная поверхность – след древнего столкновения планетки с атмосферой Сумитры.

На заднем сиденье транспортера лежал полубесчувственный Живых в гермокостюме. Чтобы запихнуть астронавта в него, пришлось потрудиться – плохо соображающий штурман отпихивал ее, сопротивлялся и крутил головой, не давая засунуть ее в шлем. Теперь притих – дай бог, чтоб не стало хуже! Ругаясь вполголоса, Бой-Баба вырулила на бетонку и поехала быстрее, оглядываясь на неподвижного Живых в зеркало заднего вида.

Память к ней еще толком не вернулась. Бой-Баба плюнула и решила действовать по инструкции, намертво впечатавшейся в мозги за годы училища. Главное сейчас – спасти Живых и остальных, кто бы они ни были. Живых ей сам потом все расскажет. А может, оно и к лучшему, что она ничего не помнит...

От мысли этой ей стало не по себе.

Транспортер остановился перед основным зданием базы. Хватаясь за спинки сидений, Бой-Баба кое-как выкарабкалась и, громыхая по ступеням, взобралась на подкашивающихся ногах в будку охранника. Здесь все было темно и мертво – пустое продавленное кресло, покрывшиеся маслянистой пленкой смотровые стекла, накрытый куском синего брезента распределительный щит. Магнитный ключ от базы лежал поверх зачехленного пульта.

Она повернулась к щиту, сорвала брезент. Затаила дыхание – лишь бы работало! – и потянула на себя главный рубильник. Вокруг тихо затрещало, загудело, и будка осветилась огоньками.

Бой-Баба выдохнула от радости, чувствуя, как колотится перенервничавшее сердце. Схватила ключ и, грохоча сапогами, сбежала вниз по лесенке и рысью пересекла дорожку. Затаив дыхание, вставила ключ в щель входного люка и, тяжело дыша, прислонилась к ребристой поверхности. Не сработает. Чтоб так везло – не бывает. Чуда не произойдет.

Секунда, другая ожидания – и сенсорная панель осветилась. Щелкнули запоры. Бой-Баба встрепенулась, всем весом налегла на люк центрального здания базы, и он отъехал в сторону, открыв впереди лабиринт обшитых грязно-серым пластиком проходов. Они уходили в темноту в тусклом мерцании ламп.

Задышавшись от спешки, Бой-Баба зашагала по коридорам, проверяя работу оборудования. Базу оставили не впопыхах: отключенные приборы и машины стояли под чехлами, смазанные и подготовленные к возможному возвращению. Но сейчас не это главное. Где у них медблок?

Еще один коридор глухо отгремел, еще один люк тяжело отъехал в сторону. Бой-Баба переступила крайину порога и остановилась. Темный ангар уходил сводами в неосвещенную черноту.

Бой-Баба ощупала рукой стену возле люка. Где выключатель, чтоб его разодрало? Потеряв терпение, она подняла руку к шлему, засветила фонарик, переключила наушники на внешний микрофон и пошла осторожно дальше.

Каждый шаг ее теперь отдавался в наушниках звоном. Вдоль стен было запарковано крупное оборудование – транспортеры, погрузчики, краны. Все в чехлах или под таким же синим брезентом, ящики запчастей аккуратно сложены на полках. Бой-Баба приподняла край бре-

зента. Под лучом фонарика шарахнулись прочь тени. Тускло отсвечивая смазкой, стоял старой конструкции погрузчик.

Она опустила брезент. Луч фонарика упал на противоположную стену, осветив ряд люков. Одни зияли открытой черной пастью, другие закрыты. И вот, поодаль от остальных, еще один закрытый люк с неровно намалеванным на крышке красным крестом.

Она ускорила шаг. Тени прыгали в луче фонарика впереди. Подошла, потянула за рычаг – тот загудел, послушно поворачиваясь.

И тут – гром в наушниках, треск и грохот. Жмурясь и прикрывая ладонями шлем, она обернулась. Огромная неуклюжая тень метнулась из луча света в просвет между рядами брезента.

И еще один звук, ровный и звонкий, – как вставшая на ребро монета, покотившаяся по стальному покрытию пола.

Бой-Баба мазнула лучом фонарика по стенам. Что-то тяжелое, блестящее скользнуло по полу и покатилося прямо ей под ноги. Бой-Баба ловко накрыла предмет сапогом. Затем нагнулась, сгибаясь с трудом в тяжелом костюме, и подняла.

Тяжелый, липкий от смазки подшипник. С полки упал. Вот и объяснение грохота. Она же сама его и задела, когда двигала брезент.

Бой-Баба взвесила подшипник в руке. Этаким и убить можно. Но соображать сил не было. Главное – вот он, медблок. А значит, все еще могут остаться в живых. Если она потопится.

Запихнув подшипник походя под один из чехлов, она снова пересекла ангар – тени опять задвигались, окружили ее, – и рысью отправилась за Живых и остальными.

В ангаре воцарилась тьма.

Через пару минут, когда грохот шагов Бой-Бабы затих в глубине коридоров, брезент зашелестел. Тихим красноватым мерцанием озарился угол, распугивая собравшиеся вместе тени.

Подшипник так и лежал, где Бой-Баба его впопыхах кинула. Пол вокруг него слабо осветился багровым. Широкая тень нависла над ним, помедлила – и отступила. Снова зашелестел брезент. Ангар заполнило эхо многотонных, размеренных шагов.

Слабое красноватое свечение выхватывало из тьмы очертания агрегатов и двигалось дальше. Широкая тень повторила в слепой темноте путь Бой-Бабы ко входу на базу и прогреготала дальше, в генераторный зал.

* * *

Часу в десятом вечера, вымотанный поисками, Илья подъехал к старому поселку.

Машину подбрасывало на ухабах – трасса на пятидесятый километр, разбитая морозами и жарой, простаивала с самой аварии. Низко в ночном небе Киак висел перед глазами, слепил, мешал видеть дорогу. Илья отнял одну руку от руля, приставил козырьком к глазам, подался вперед, объезжая глубокие рытвины. Тимур всегда говорил правду – или умалчивал? Конечно, у детей свои секреты. Но он всегда думал, что Тимур ничего от него не скрывает. Ну что ж, век живи – век учись...

Весь день он продвигался зигзагом, не пропуская ни одной развилки, проверяя каждую заброшенную ферму. Кое-где оставались люди и даже предлагали помощь, но о черненьком мальчишке с сумочкой никто не слышал. И Илья ехал дальше, упорно обыскивая брошенные домишки, водонапорные башни, овраги.

Илья не любил старый поселок. В темноте древние развалины походили на оскаленные зубы. В свое время, рассказывал ему Вильсон, тут стояли палатки археологов, раскапывавших

поселение вымерших сумитриан. В ожидании катаклизма часть жителей укрылась в подземных катакомбах, и якобы археологи даже докопались до каких-то костей и любопытных артефактов, но авария на комбинате выбила всех из колеи, поселок эвакуировали, раскопки под горячую руку запретили. С тех пор сюда мало кто заезжал.

Тимуру он с самого начала запретил даже близко к нему подходить. Хотя прав Вильсон: дети теперь такие пошли... а что он о Тимуре, в сущности, знает?

Руки Ильи на руле заблестели от испарины. Спину прохватило холодом. Найдёт Тимку – выпорот, чтоб на всю жизнь запомнил.

Наконец развалины остались позади; покосившийся знак с номером поселка облупился и выцвел. По обеим сторонам дороги вставал мертвый лес: обугленные сучья кривых, черных деревьев, где обитали стрекуны и прочая уцелевшая после катаклизма нежить. Илья прибавил газу и поехал, вглядываясь в глубокие тени на обочинах. Кондиционер шумел, нагнетая внутрь мобильчика обогащенный воздух. А вдруг...

От неожиданной мысли ладони его вспотели, поднятая рука замерла на весу. Он вспомнил встревоженные, нахмуренные лица поселенцев, которым описывал Тимура по дороге сюда. Увесистые палки и мачете в натруженных руках фермеров – не иначе, приняли его за мародера. Крепкие, на совесть сколоченные постройки за двухметровыми заборами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.